

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ЧЕСТЬ ПРОКЛЯТЫХ

ЦАРСКАЯ
САБЛЯ

Александр Дмитриевич Прозоров

Царская сабля

Серия «Честь проклятых», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4990017

Честь проклятых. Царская сабля : фантастический роман / Александр

Прозоров: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-59979-0

Аннотация

Первый роман из нового цикла Александра Прозорова, автора легендарного «Ведуна»!

Неведомая сила соединила судьбы боярина Басарги Леонтьева и его отдаленного потомка, скромного аудитора Счетной Палаты Евгения Леонтьева. По воле небес и указу Ивана Грозного Басарга стал хранителем Убруса – полотенца с отпечатком лика Христа. А Евгений, случайно заинтересовавшийся историей исчезновения этой величайшей святыни христианства, помимо желания, оказался втянут в череду совсем невеселых приключений. Ведь, как и пятьсот лет назад, у хранителей святынь немало врагов, которые тянут нечистые руки к заветному сокровищу...

Содержание

Отчет	5
Басарга	53
Молчальники	89
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Александр Прозоров
Царская сабля

Отчет

Утро выдалось ясным и морозным. Искрящийся снег хрустел под копытами лошадей, люди дышали белесым паром, наконечники рогатин покрывались густой пушистой изморозью, и даже на древки копий оседала легкая снежная пыль. Зимний день короток, и, стремясь использовать его полностью, противники выстроились рать против рати еще затемно, перекрыв от края и до края луговину, с одной стороны подпертую сосновым бором, с другой – низким густым осинником.

Шведское войско сверкало начищенными кирасами выставленных вперед копейщиков, за которыми прятались со своими помощниками аркебузиры. Русские полки красовались синими и зелеными кафтанами укрывшихся за толстыми щитами гуляй-города стрельцов. Конница гарцевала позади пехотных шеренг, готовая в любой миг сорваться с места и нанести стремительный, всеокрушающий удар. На этот случай обе стороны приготовили короткоствольные походные пушки, которые шведы собрали в центре, а царевы канониры распределили по всему фронту.

Боярский сын Щерба Котошкин ждал своего часа в полку левой руки, в самой гуще тяжелой кованой рати. Это был уже третий его поход – но в бою новик не был еще ни разу. Как-то обходилось ранее без кровавой сечи. Как назло,

именно в этот раз, когда молодой воин так нуждался в совете и поддержке, отец остался дома. Свалила родителя болотная лихоманка, невесть как пробравшаяся в дом. Служить за землю и звание пришлось идти одному. Не считая трех холопов, разумеется.

Солнце взбиралось все выше, а ни единого выстрела еще не прозвучало. В душе боярского сына затеплилась надежда: а вдруг и в этот раз обойдется? Постоят рати, пугая друг друга грозным видом, да и разойдутся. Со шведами такое может случиться запросто.

Отец сказывал, минувшая война выдалась донельзя странной. Со шведами русские полки то дрались, то вместе трусливых ляхов били; в одних местах порубежья мир вечный учиняли, в других – о войне сговаривались. На суше друг друга стреляли, на море шведские корабли пиратов ловили, что русские торговые суда грабили, головы им рубили и государю Иоанну Васильевичу в подарок отсылали. Случалось даже, что отбитые ляхами крепости шведские воины освобождали и русские гарнизоны в них обратно впускали, а в полусотне верст смертным боем меж собою рубились.

Вот и ныне: отчего вдруг король Сигизмунд решил перемирие порвать, уговор с усопшим царем Иоанном нарушить и отказался крепости русские Копорье, Ям, Иван-город и Нарву под руку государя Федора Иоанновича возвратить? Может статья – одумается? Тогда и биться станет не за что. Прежним укладом все пойдет, миром да покоем.

Однако внезапно оглушительно жажнули пушки, дробно загрохотали пищали, над левым краем русского войска поднялись густые серые облака. Впереди призывно запели трубы, князь Мстиславский что-то закричал, неслышимый из-за расстояния и грохота непрерывной пальбы. Масса конницы дрогнула, медленно двинулась вперед. Оглянувшись на холопов, одетых в ватные колонтари¹, Щерба потянулся вместе со всеми.

Утопающие в дыму щиты гуляй-города шириной были шагов на десять, проходы между ними стрельцы оставляли в четыре шага. Только-только двум всадникам протиснуться. Едва кованая рать стала просачиваться за щиты, огонь прекратился. Стрельцы, снизу вверх посматривая на боярских детей, торопливо заряжали пищали и тюфяки², поправляли фитили в замках.

Заминка оказалась совсем краткой – воевода полка левой руки придержал передовые ряды, давая время основным силам выйти за щиты и собраться в плотную массу. А затем трубы заиграли снова, и боярское ополчение, понукая лошадей, стало разгоняться для сокрушительного удара.

Вместе со всеми Щерба перешел на рысь, потом на быструю рысь, затем в галоп. Пелена дыма рассеялась, и он увидел за передовыми всадниками, в двух сотнях сажений, окутанные дымом ряды латных шведских копейщиков. Бояре

¹ Колонтарь – доспехи с нашитыми бляхами и кольцами.

² Тюфяки – короткоствольные древние пушки.

грозно взревели, Котошикин с холопами тоже заорал:

– Ур-ра-а-а!!!

Конница стремительно преодолела заснеженное поле, ударила. Передовые ряды, стремительно редая, увязли во вражеском строю, но совсем ненадолго. Часть латников воины опрокинули и затоптали, часть просто раскидали в стороны, прятавшихся в тылу аркебузирова безжалостно изрубили. Щерба Котошикин в этом не участвовал – он давился в задних рядах, которым после долгого разгона внезапно оказалось некуда наступать.

Однако, смяв правое шведское крыло, конница вырвалась на простор, снова начала свой разгон, заходя в спину главным шведским силам. Это понял и воевода Густав Банер, бросив навстречу русским всю свою пятитысячную конницу. Кованая рать и разогнаться толком не успела, когда лоб в лоб с нею столкнулась вражья сила и, остановив наступление, принялась яростно рубиться. И опять – в паре десятков сажень от боярского сына Котошикина шла жестокая сеча, а сам он лишь давился в задних рядах, наблюдая за происходящим со стороны.

Битва продлилась не более получаса – трубы заиграли отступление, боярская конница отвернула назад, быстро ушла в проходы между щитами оказавшегося совсем рядом гуляй-города, а излишне увлекшегося преследованием врага стрельцы отогнали выстрелами. Оставив на снегу несколько сотен убитых, ускакали к лесу и кирасиры, открывая взгля-

ду русских новые ряды свежих шведских полков, занявших место уничтоженных.

Казалось бы – ничего не изменилось, почти две тысячи воинов сложили головы зря, продвинувшись вперед всего на две-три сотни сажений. Но Щерба с высоты своего седла заметил в стене леса за шведами широкий просвет, выдававший дорогу, выходящую на луговину аккурат в этом месте. Это значило, что, если русским полкам удастся туда пробиться, они отрежут всей шведской рати путь к отступлению и прижмут ее к болотине на северном краю поля. Там схизматикам останется только погибнуть. Или – сдаться.

Три сотни сажений до дороги русские полки уже прошли. Оставалось еще два-три рывка, и они загонят чужаков в смертельный капкан.

– Слушайте меня, други! – Князь Федор Мстиславский гарцевал на черном тонконогом туркестанском жеребце совсем рядом, сверкая начищенными пластинами узорчатого бахтерца³, в островерхом шлеме с поднятой личиной. – От нас ныне успех битвы сей зависит, от нас токмо и ни от кого более! Не посраим имени русского, не посраим веры православной! Изгоним схизматиков поганых с земли отчей! За мной, други! До конца исполним клятву свою, что государю Федору Иоанновичу принесли!

Князь поворотил коня и первым проехал в просвет между щитами. Следом устремились остальные всадники, собира-

³ Бахтерец – один из видов доспехов.

ясь на глазах врага для новой атаки. Шведы выжидали, выставив вперед аркебузирова, положивших на сошки свои тяжелые стволы.

В этот раз Щерба оказался в третьем ряду, да и сотни ныне стояли куда свободнее, нежели перед первой атакой. Князь оглянулся на бояр, вскинул над головой саблю. Трубачи заиграли атаку, и тяжелая конница начала разгоняться, готовая снести все и вся на своем пути. Аркебузиры, оперев приклады в нагрудники и кирасы, терпеливо выжидали и дали свой залп лишь тогда, когда разогнавшаяся в галоп конница уже промчалась половину своего пути. Воздух наполнился зловещим воем, тут и там убитые лошади закувыркались через головы, теряя всадников. Боярские дети вылетали из седел, раненые и убитые, князь Мстиславский, уронив саблю, согнулся набок, опасно кренясь с хрипящего жеребца – и боярский сын Котошкин внезапно понял, что остался один. Плотный свинцовый ураган выкосил всех. Всех, кто двигался впереди, шел справа или слева, кто дышал в самую спину. И теперь, опустив рогатину и глотая встречный морозный воздух, вперед мчался лишь он, и только он.

– А-а-а-а!!! – заорал от ужаса Щерба, пригибаясь к гриве и еще сильнее понукая скакуна. Предчувствие неминуемой гибели жутким холодом скрутило живот, по спине заструился пот, ноги онемели. – Бей схизмато-о-ов!!!

Аркебузиры с разряженным оружием убежали за спины копейщиков, те сомкнули строй, опустив пики. Сразу два

десятка наконечников нацелилось в грудь и лицо одинокого русского храбреца.

– А-а-а-а!!! – Щерба дал шпоры коню, заставляя его взметнуться в последнем прыжке, закрылся от копий слева щитом, рогатину опустил еще ниже, метясь в лицо голубоглазого бородача. Тот увернулся, и наконечник вошел глубоко в грудь стоящего за ним пехотинца, легко пробив насквозь не только кирасу, но и тело, пройдя дальше и впившись в живот шведа из третьего ряда. Скакун был уже мертв и падал вперед, сминая и опрокидывая копейщиков, и выбитый из седла боярский сын тоже падал, собою разбрасывая врагов. Щит раскололся и отлетел, но сам боярин отчего-то еще дышал и потому схватился за саблю, но выдернул ее, уже упав на спину.

Шведы, раскиданные и потерявшие строй, сжимающие в руках длинные копья, на миг растерялись, и Щерба успел дважды уколоть саблей ближайших врагов под подолы кафтанов, стараясь вогнать клинок как можно глубже. Убить длинным копьем копошащегося у ног противника не так-то просто, и потому боярского сына стали пинать ногами, пытаясь попасть по лицу и руке с саблей, а затем кто-то саданул его тупым концом копья – опять же, промахнувшись по лицу, но уже со второй попытки попав в грудь и в живот. От жуткой боли у воина перехватило дыхание, он скрючился, не в силах уворачиваться, но тут шведов справа и слева буквально разорвало напополам жесткими ударами рогатин,

другие оказались опрокинуты, сбиты с ног мчащимися во весь опор лошадьми. Отставшие было кованые сотни наконец-то подоспели со своим железным ударом по врагу, потерявшему строй.

Каким-то чудом ни одно из копыт проносившейся над головой Щербы конницы не опустилось на него самого, не топтало ни руки, ни ноги. Чуть выждав и переведя дух, боярский сын поднялся, отер рукавом стеганки лоб. Правая рука его продолжала сжимать саблю, с живота лохмотьями свисала драная во многих местах кольчуга, из-за разорванного ремешка шлем сидел набекрень и больно царапал ухо. На губы откуда-то стекала соленая горячая кровь. И тем не менее Щерба уцелел.

Сеча продолжалась далеко перед ним – почти за спиной шведского большого полка. Там новый встречный удар королевских кирасир остановил наступление боярского ополчения. Шведы, отчаянно рубясь, безуспешно пытались отбросить русских обратно, в то время как за их спинами пехота торопливо собиралась в новую оборонительную линию.

Трубы заиграли отступление – кованая рать отвернула, уходя в сторону бора. Часть кирасиров устремились за ними, где-то с десятков направили коней прямо на Щербу, вскинув мечи.

– Господи, прими душу грешного раба твоего, Щербой нареченного, Глызина сына, – устало осенил себя крестом боярин, перехватил саблю в левую руку, правой же поднял с

земли шведскую пику, упер тупой ее конец в землю, крепко прижав ногой, а острие направил в сторону врага. Молодой воин был уверен, что заберет с собой в иной мир хотя бы одного из мчащихся на него схизматиков. Но выстоять против десяти, увы, не способен никто.

Щерба уже успел нацелить копьё в шею пегой кобылы, на которой восседал плечистый усач, когда, словно доскою по ушам, совсем рядом грохнули выстрелы. Усач вылетел из седла, еще двое кирасиров кувыркнулись вместе со скакунами – и остальные поспешно отвернули прочь.

Боярский сын оглянулся. Щиты гуляй-города стояли всего в нескольких шагах у него за спиной. Стрельцы в очередной раз успели полностью использовать плоды боярской атаки, продвинув стену полевого укрепления еще на триста сажень вперед. Ратники махали ему руками, подзывая к себе, но Щерба после своего падения соображал медленно, слышал словно сквозь вату и далеко не сразу понял, что там, среди своих, он окажется в полной безопасности. А потом в его глазах внезапно потемнело.

Сознание возвращалось медленно. Поначалу Щерба не понял, откуда вдруг взялся Карасик – один из двух его холопов, – почему ему растирают лицо снегом и зачем стаскивают кольчугу и пропитанный кровью поддоспешник. Но снег все же помог – взбудрил и освежил, уши внезапно обрели способность слышать, а в глазах перестали плавать розовые пятна. Боярский сын тряхнул головой, поднялся, отпихнул

холопа:

– Ты чего делаешь?

– Дык рази это теперича броня, боярин? – поднял перед ним рваную во многих местах кольчугу Карасик. – И стеганка залита вся, токмо что не чавкает!

– Воевода, воевода едет! – внезапно засуетились стрельцы, отступая к щитам и хватаясь за пищали. – Князь Хворостинин.

– Сам князь Дмитрий?! – Услышав имя знаменитого воеводы, многократного победителя татар, шведов и ляхов, боярский сын Котошикин тоже забеспокоился, схватился за пояс с саблей, торопливо застегнул его на животе, выпрямился, выпятив окровавленную грудь.

Воевода подъехал мерным шагом в сопровождении свиты из пяти богато одетых бояр. Он был в крупнокольчатой байдане, поверх которой на плечах лежала соболья шуба. Длинная седая борода колыхалась на ветру. Высокий лоб, впалые щеки, синие круги под глазами, но – твердый уверенный взгляд.

– Назови свое имя, боярин, – хрипло потребовал воевода Хворостинин.

– Боярский сын Котошикин, княже! – выкрикнул новик. – Щербой родители нарекли!

– Стало быть, это ты собрался сам-един правый полк шведский опрокинуть? – улыбнулся князь. – Достойные, стало быть, сыновья в семье Котошикиных растут. Надобно род

ЭТОТ ЗАПОМНИТЬ.

Один из воинов свиты зашевелился, доставая что-то из поясной сумки, но новик смотрел только на знаменитого воеводу:

– Отец мой честно царю всю жизнь служил. И братья младшие, как подрастут, достойными звания боярского будут! Дозволь под твою руку исполчаться, Дмитрий Иванович?

– Имя я твое запомнил, боярский сын Щерба, – кивнул воевода. – Отвагу твою ныне знаю. Отдыхай.

– А чего мне отдыхать, княже? – развернул плечи новик. – Руки целы, ноги целы. В сече мое место, а не в телеге знахарской!

– Храбрец, – похвалил воевода, – этого у тебя не отнять. Ну, коли так, ныне сотником тебя в полку левой руки ставлю. Князь Мстиславский раненый лежит, и бояре старшие тоже посечены. Тебе честь – вместо них сотни боярские в атаку поведешь. Их, правда, всего три у тебя осталось. И более не дам. Дорогу видишь? Воевода свенский Банер выше всего боится, что захватим мы сей выход и на поле их запрем. Оттого все силы на сей стороне супротив тебя и собрал. Мы же, как ты к себе внимание общее привлечешь, засадным полком в левый край его, вконец опустевший, ударим, за спину пройдем и стопчем врага начисто. В твоих руках победу нашу оставляю. Напугай Банера так, чтобы ни единого кирасира отсюда не увел. Сделаешь?

– Не сомневайся, княже!

– Не сомневаюсь, – поворотил коня князь Хворостинин.

Боярский сын, ныне уже сотник, Щерба проводил его взглядом. Карасик же, ругаясь, принялся стаскивать с себя колонтарь:

– Что же творишь ты, боярин? Ведь побьют! Как есть ведь побьют.

Застегнув теплую стеганку, обшитую снаружи железными пластинками, сотник Котошикин поднялся в седло холопьеи кобылы, принял в руку рогатину слуги и подъехал к уставшим ратникам, отдыхающим под прикрытием щитов:

– К последнему усилию призываю вас, други! Ныне только от нас, от храбрости и чести нашей исход битвы зависит. Докажем же государю, что мы есть лучшие из слуг царских, что на земле русской рождались! Не посралим имени русского, отцов и прадедов наших. Выбьем схизматиков поганых с земли нашей, дабы боле здесь и не показывались! За мной, други, за мной!

Теперь он, как час назад князь Мстиславский, первым выехал за щиты гуляй-города. А следом, один за другим, стали выезжать остальные боярские дети и их холопы, крестясь перед последней своей схваткой, целуя нательные распятия и шепча молитвы. Вдалеке, возле ставки, запели трубы, и сотник махнул рукой трубачу:

– Играй атаку! За мной, бояре! Во славу Божию, за мной! Ур-ра-а!!!

Он дал шпоры кобыле, посылая ее в сторону плотных шведских рядов, разгоняясь в стремительный, поющий ветром в ушах галоп, опустил рогатину, выбирая жертву для удара, – и тут склонившиеся к аркебузам стрелки нажали на спуск, посылая в сердца атакующих смертоносный свинцовый поток.

Щерба увидел вырвавшиеся из стволов дымы, вздрогнул от обжигающей боли, опрокинулся на спину и...

...открыл глаза. Рефлекторно откатившись в сторону, грохнулся на пол, но тут же вскочил, вскинув руки перед собой в «закрытой» стойке, мотнул головой из стороны в сторону, не заметив опасности, быстро ощупал грудь, голову и облегченно перевел дух, медленно приходя в себя:

– Ни хрена себе, примерещилось! Еще секунда, и я проснулся бы трупом!

Разумеется, он находился дома. Дома, в Москве, в своей комнате на восьмом этаже панельной многоэтажки. Не в армии, не в командировке, не на работе. То есть в полной и абсолютной безопасности. За темными окнами, подсвеченные снизу уличными фонарями, вяло падали крупные сонные снежинки, где-то очень далеко бурчал телевизор какого-то полуночника, да недовольно тьякала во дворе собака, ни свет ни заря вытащенная на прогулку.

Вот черт! Еще можно было бы спать и спать, но по жилам, едкий и злой, как шипучка, мчался адреналин, вызывая отвращение к постели и требуя продолжения драки.

Однако здесь стаптывать тяжелыми конскими копытами, колоть низко опущенной рогатиной и рубить булатной саблей было некого. А потому молодой человек, бросив упавшее на пол одеяло обратно на постель, отправился в душ.

Струи холодной воды быстро привели недавнего боярского сына в чувство и вернули в двадцать первый век, превращая обратно в Евгения Леонтьева – молодого человека среднего роста, пока еще не отрастившего живота, коротко стриженного и голубоглазого, двадцати пяти лет от роду, неженатого, отслужившего срочную службу в РВСН, а ныне работающего бухгалтером.

Сделав душ немного потеплее, Женя потянулся за кремом для бритья и безопасным станком. В отличие от боярского сына Щербы Котошикина он брил не голову, а усы и подбородок.

– Хотя, конечно, мужика без бороды и усов святой Петр в ворота рая ни за что не пропустит, – вслух вспомнил он напутствие отца из давнего, еще самого первого сна.

Сегодняшнее путешествие в прошлое было в жизни Евгения третьим. Во всяком случае, помнил он всего два. Правда, предыдущие оказались не столь жестокими. Первый раз, года полтора назад, он просто знатно поохотился с братьями и отцом, взяв трех волков, одного медведя и семерых зайцев. А прошлой весной молодой человек в чужой шкуре ходил в поход, опять же с родичами, – но тогда все обошлось мирно. Во сне. Наяву после этих снов с ним оба раза случались

крупные неприятности.

Промыв бритву под струей воды, Женя еще раз ополоснул лицо. Аккурат в этот момент в его комнате жалобно крикнул и тут же перешел на соловьиную трель сотовый телефон, сообщая, что в мир пришло утро.

– Женя, ты проснулся? – окликнули его с кухни.

– Да, мама, встаю, – ответил молодой человек, отправляясь к себе одеваться.

– Сынок, ты опять кричал ночью! – громко сообщила матушка.

На кухне, судя по недовольному шкворчанию, уже поспевала привычная утренняя яичница.

– Что именно?

– «Ура!» кричал и всякую матерщину.

– Странно. Насчет матерщины не помню. А так – да. Во сне стреляли.

– Это плохо. Сегодня четверг. На четверг сны всегда сбываются.

– Не бойся, мам, – усмехнулся Женя. – Этот не сбудется. Столько лошадей ныне во всей стране не наберется.

Спустя сорок минут Леонтьев, свежевыбритый и пахнущий кремом, в пухлой зимней куртке поверх делового костюма, уже ждал на остановке маршрутку, чтобы без десяти минут девять войти в здание на Зубовской улице, дом два.

Здесь было уже шумно, народ бежал и суетился, по большей части торопясь успеть на рабочее место, пока началь-

ник не заметил опоздания. Евгению в этом отношении было проще: у него имелся свой кабинет. Маленький, еле вмещающий стол с компьютером, высокий железный шкаф вместо сейфа, кресло и вешалку в углу – но отдельный кабинет, персональный.

Однако у себя молодой человек всего лишь снял куртку, отер ладонью влажную от снега голову, достал из шкафа скоросшиватель, после чего снова вышел в коридор и ровно в девять постучал в двустворчатую дверь из натурального дерева с золотой табличкой «Заместитель директора Финансового Департамента Дементьева Виктория Яковлевна».

– По тебе, Женя, впору часы проверять, – приветливо кивнула ему из-за стола пышногрудая начальница с собранными на затылке каштановыми волосами. – И не поверишь, что из Мурманска. Минута в минуту, как назначила. Садись, – указала она на стул напротив себя, – рассказывай.

– Странно все это, Виктория Яковлевна. – Сев за стол, вытащил из скоросшивателя десяток машинописных листов Леонтьев. – Детский дом, но почему-то на балансе артиллерийского управления. По России на содержание сирот в детских госучреждениях выделяется пятнадцать тысяч рублей в месяц, а в этом заведении содержание составляет семьдесят три тысячи рублей на каждого.

– Я помню, – кивнула женщина. – Именно поэтому ты и предложил провести в данном интернате ревизию. Ну и что, много накопал? На месте воруют или на уровне бюджета рас-

таскивают?

Она протянула руку. Евгений передал бумажки, пожал плечами:

– Даже не знаю, что сказать, Виктория Яковлевна. Если в расходной части бюджета указаны два шоссейных мотоцикла «Ямаха» и пять «Эндуро» различных фирм-производителей, то все они стоят у них в гараже с инвентарными номерами. Если числятся семь снегоходов – все семь в наличии. Указаны сплит-системы – все на местах, согласно описи. Плазменные панели, компьютеры, скалодром, скейтинг – все есть. В расходах на образование указаны затраты на оплату лекций ведущих профессоров из разных вузов страны и командировочные расходы. Их подтверждают ведомости с подписями и паспортными данными, билеты, счета за проживание.

– Короче, – пролистывая бумажки, сделала вывод начальница, – с отчетностью и материальной базой у них полный ажур, нецелевого расходования средств не выявлено. Хоть где-то на просторах нашей многострадальной родины все оказалось в порядке. И что тебя смущает?

– Но, Виктория Яковлевна... – развел руками молодой человек. – Семьдесят три тысячи рублей вместо пятнадцати! Моя зарплата ассигнуется ежемесячно на проживание одного ребенка! С какой стати вдруг взялись такие расходы? Откуда? И почему финансирование детского дома идет через артиллеристов? Зачем им учителя с профессорской степе-

нюю?

– Хочу напомнить вам, Евгений Иванович, – потянулась за ручкой начальница, – что нашей обязанностью является контроль за расходованием государственных средств, а не определение необходимости таких затрат. Если расходная статья на данный детский дом определена в конкретном бюджете, значит, так нужно. Деньги расходуются по назначению, фактов кражи и коррупции не обнаружено. Остальное нас с вами не касается. Посему ваш отчет я утверждаю, – Виктория Яковлевна оставила на первой странице свой размашистый автограф, – и отправляю в архив.

– Все-таки не понимаю, – покачал головой молодой человек. – Что это за такой странный секретный интернат? Кого там обучают?

– Раз в бюджете, то не секретный, – ответила Виктория Яковлевна, хлопнув по отчету ладонью. – А если ты думаешь, что открыл тайное образовательное учреждение для детишек наших олигархов, то я тебя уверяю: в зимнюю заполярную тундру никто из них своих отпрысков даже во гневе не отправит. Как, впрочем, и в летнюю. Ты свое дело сделал – молодец. И хватит об этом. Завтра едешь в Орел начальником комиссии, там сдана новая транспортная развязка. Ирина Анатольевна введет в курс дела, все документы у нее.

– Билеты нужно покупать или уже заказаны? – поднялся со своего места Леонтьев.

– Вот таким ты мне нравишься больше, – улыбнулась Вик-

тория Яковлевна. – Про билеты не скажу, но чтобы разобраться с техзаданием и сметой строительства, у тебя всего один день. Так что поторопись.

* * *

Ревизия строительных объектов – дело извечно скучное, долгое и бесперспективное. Прежде всего потому, что в большинстве случаев украденное либо закопано глубоко в землю, либо замуровано в бетон, либо свалено в окрестные болота. Поди проверь, сколько песка засыпано в «постель» под углубленную на три метра дренажную трубу – семьдесят три «КамАЗа» или только шестьдесят семь? Арматура в забетонированный каркас увязана пятнадцати– или четырнадцатимиллиметровая? Мусор вывезен на платную свалку или закопан в недрах декоративного откоса?

На строительном воровстве сегодня если кто и попадает, то либо законченные дураки, которые отчего-то полагают, что сокращение ширины дорожного полотна на десять-пятнадцать сантиметров никто не заметит, либо клинические kleптоманы, которые понимают, что попадутся, но не прибрать бюджетные деньги к себе в карман не могут из-за странных особенностей физиологии.

Две последние категории из среды чиновничества руководством страны уже несколько лет терпеливо и успешно выбивались, а потому ничего особенного Евгений от ревизи-

зии не ожидал. Поезд, автобус, регистрация в гостинице. Утром – заказанный подрядной организацией «УАЗ» у тщательно вычищенного от снега крыльца, и еще пятьдесят километров тархтения по заметенной за ночь от края и до края чуть не по колено проселочной дороге.

Прибыв на место, молодой аудитор влез в валенки и, пока женщины сверялись со схемой строения, прогулялся с умным видом по новенькому, хотя и обледеневшему, путепроводу. Потом напялил оранжевую куртку и стал помогать «подчиненным» работать, замеряя рулеткой ширину полотна в разных местах развязки, высоту откосов, размеры балок и опорных столбов.

Привлекать к этому грязному делу местных сотрудников инструкция запрещала – дабы среди помощников не оказалось заинтересованных лиц, которые захотят исказить результаты измерений. Вот и приходилось московским гостям, с высшим инженерным и финансовым образованием, натягивать большие валенки и теплые рукавицы и вымерять все столбики и обочины собственными ручками, каждые полчаса убегая греться в местную бытовку с раскаленной до малинового жара самодельной буржуйкой.

Весь первый день ушел на замеры. Снятие проб материала дорожного покрытия и несущих конструкций комиссия оставила на завтра, вернувшись в гостиницу.

Ужинали они после долгого дня все вместе, в уютном гостиничном ресторане, оформленном под трюм старинной

шхуны. Возле бара имелись даже два гамака, на которых, за неимением моряков, покачивались два манекена в пиратских бушлатах и с толстыми, поношенными деревяшками вместо правых ног.

Дамы, намаявшись, позволили себе для сугреву немного глинтвейна. Евгений, как начальник, предпочел «сангриту», без текилы, разумеется.

Первая порция ушла быстро, за второй пришлось идти к стойке. Едва молодой человек опустился на банкетку, рядом тут же присел седенький, с огромными залысинами, мужичок в потрепанном свитере и дешевых джинсах.

– Пиво! – заказал он, выложил на стойку пластиковую карту «Visa» и небрежным жестом придвинул ее ближе к Евгению. Тот сделал вид, что ничего не заметил, и мужичок, накрыв карту ладонью, сдвинул ее еще дальше от себя, негромко произнеся: – Миллион шестьсот. Можете проверить в банкомате в холле.

– Это вы мне? – уточнил Женя. – Боюсь, вы меня с кем-то перепутали. Я здесь в трехдневной командировке, человек проезжий, которого никто не знает.

– Знают, Евгений Иванович, знают, – не согласился мужичок. – Поэтому давайте не будем делать вид, что мы друг друга не поняли. И вы меня тоже наверняка знаете, если проходили мимо стенда в холле местной администрации. Я там в третьем ряду слева. Не самое видное место, но уж точно не МВД и не прокуратура.

– Я в администрацию не заходил, увы, – развел руками молодой человек. – Мы немножко по другой линии. Так что не имею чести.

– Надо полагать, вы меня все-таки поняли... – Мужичок сдернул карточку со стойки и, сунув в нагрудный карман, прихлопнул «липучкой». – Хорошо, давайте обсудим. Сколько вы хотите?

Подошедший бармен заставил их ненадолго замолчать. Перед незнакомцем выросла высокая кружка с чем-то темным и густым, молодому человеку официант поставил рюмку томатного сока со специями.

– Сразу видно, кто кровушки попить любит, – осклабился мужичок. – Ну что, за знакомство?

– Я вас не знаю, – покачал головой Женя и принял к «сангрите». Она пахла перцем и свежесвыпавшим снегом. Явно не из бутылки наливали.

– Ладно, пусть будет два, – смирился мужичок.

– Давненько мне уже не делали таких предложений, – покачал головой молодой человек. – Я так полагаю, сверяясь в Москве с проектной сметой, мы заметим нехватку ширины и толщины дорожного покрытия, нарушение его состава, заниженное качество бетона в конструкциях и... Что еще? Балки в пролетах из сыромятного железа?

– Ничего с этим мостом не случится, сто лет еще простоит, – поморщился мужичок и отхлебнул пива. – Трасса не федеральная, большегрузы тут у нас не ходят.

– А если пойдут?

– Хорошо, я понял, – кивнул мужичок. – Три.

– Я – ревизор, – терпеливо объяснил Евгений. – Я воров ловлю, а не покрываю.

– Ой, да перестань, – снова поморщился незнакомец. – Не надо меня грузить этими побасенками. У нас что, кто-то где-то честно живет? Абрамович что, свою яхту на заработанные копейки купил? Может, Прохоров американские баскетбольные команды на бабушкино наследство приобретает? У Вексельберга от честного оклада крохи на яйца «Фаберже» остаются? В этой стране воруют все, Евгений Иванович. И нужно успеть урвать свой кусок, пока отчизна-мать еще не издохла из-за обилия уродов!

– Я не ворую, – ответил Женя.

– Мы не ворует, мы берем свое, – согласился мужичок. – Но больше трех я заплатить не смогу, это предел. Иначе нет смысла. Дешевле пойти другим путем.

– На три миллиона вполне можно было бы построить детский садик, – задумчиво произнес молодой человек. – Или повысить зарплаты нянечкам. А вы эти деньги, считай, в мусор спускаете.

– Не договоримся, значит, – сделал вывод мужичок и отхлебнул изрядно пива. – Идеальный. А ты не думаешь, идеальный, что тут и без тебя есть кому о садиках позаботиться? Что здесь тоже люди живут? Что, если ты наскоком своим тут все переломаешь да местным жизнь покалечишь, никому

от этого лучше не станет. Хуже – запросто. А вот лучше – это вряд ли. Как ты потом детям в глаза посмотришь, которые из-за тебя без отцов останутся? Что семьям скажешь, которые из-за тебя без куска хлеба сидеть станут?

– Скажу, что жить нужно по правде, – ответил Женя. – Тогда и бояться будет нечего. Да еще и деньги на детские садики найдутся.

– Ну, значит, ты сам этого захотел... – Мужичок старательно допил кружку и грохнул ею по стойке. Потом слез с банкетки и многообещающе похлопал ревизора по плечу: – Три дня – они долгие. На все хватит.

Молодой человек не ответил. Допил «сангриту» и вернулся к столу с сотрудницами.

– Чего там, Жень? – поинтересовалась старшая из женщин.

– Все в порядке, Ирина Анатольевна. – Евгений подтянул к себе блюдце с яйцом в майонезе. – Ребята застряли в девяностых. Им бы когти рвать, а они права качают. Обещали три миллиона. Интересно, это много или мало?

– Ох, Женя, – покачала головой женщина. – Ты бы все же поосторожнее!

– Я постараюсь.

Осторожность Евгения выразилась в том, что перед сном он поставил на ручку входной двери в номер пустую алюминиевую банку из-под лимонада, между прихожей и спальней натянул тонкий шнур от нижней петли двери к ввернутому

напротив шурупу, а на тумбочку возле изголовья поставил две бутылки пива темного стекла.

– Береженого бог бережет. – Женя широко раздвинул занавески окна, впуская свет уличных фонарей, щедрой горстью бросил на пол пластиковые хомуты, забрался в постель и выключил свет.

Банка загрохотала, когда он уже спал. Хорошо зная, чем может закончиться промедление, молодой человек тут же вскочил, схватил за горлышко бутылку и повернулся к двери.

Незванные гости, поняв, что выдали свое появление, ринулись вперед – и один за другим кувыркнулись через невидимый в сумерках шнур. Первого Женя с хорошего замаха огрел по макушке бутылкой, отчего та разлетелась, громко и недовольно зашипев пивной пеной. Второго, успевшего приподняться, ударил в горло ногой, отправив хрипеть рядом с бесчувственным подельником. Третий опасность осознал и, высоко задрвав ноги, перешагнул препятствие.

– Что, и это все? – разочарованно оглянулся Евгений на тумбочку с заготовленными бутылками. – Ты последний?

– Тебе хватит, – рыкнул гость, красиво раскрыл легкую тонкую «бабочку», сделал выпад, попал лезвием ножа в подставленную стеклянную «розочку»⁴ и вскрикнул от боли.

⁴ Для людей, далеких от уголовной романтики: «бабочка» – складной беспружинный нож с двойной рукоятью; «розочка» – отбитое бутылочное горлышко с острыми сколотыми краями.

В тот же миг Женя ногой ударил его в пах, а локтем в основание черепа добил согнувшегося врага.

Потом ревизор опустил на колено, нашарил на полу хомуты и принялся умело стягивать гостям руки за спиной.

У входа постучали.

– А чего это у вас двери нараспашку? – поинтересовался женский голос.

– Да вот, кто-то номер перепутал. – Евгений, наконец, включил свет. – Вызывайте полицию, пусть разбираются.

Спустя полчаса он уже давал показания сонному старшему лейтенанту, одетому в синий форменный ватник минимум на два размера больше, нежели полагался ему по комплекции.

– Значит, Евгений Иванович, задержанных людей вы не знаете; как проникли они в ваш номер – вам неизвестно; две биты принадлежат не вам, и вы настаиваете, чтобы к протоколу была приобщена аудиозапись с угрозами неизвестного лица, подошедшего к вам в ресторане? – закончив писать, просмотрел протокол полицейский.

– Именно, – кивнул скучающий на подоконнике Женя.

– Вы всегда записываете разговоры с незнакомыми людьми, Евгений Иванович? – поднял на него глаза старлей.

– Я сотрудник Счетной палаты Российской Федерации, – зевнул Леонтьев. – Основную часть моей работы составляют ревизии и аудит, в ходе которых часто приходится слышать сведения, важные для работы, а также слова, которые могут

послужить основанием для возбуждения уголовных дел либо использоваться для попытки шантажа. Поэтому у меня в кармане постоянно работает цифровой диктофон с кольцевой записью на сорок восемь часов. Я его вынимаю только на подзарядку. Диктофон сертифицирован в ФСТЭК⁵, и его запись может использоваться в суде.

– Значит, вы подозревали о возможности нападения?

– Нет, я его не ждал. Но вероятность существовала, и поэтому на всякий случай я натянул возле порога шнур. Для подстраховки. Согласитесь, вещь совершенно безопасная и тяжкого вреда здоровью нанести не может.

– Знаете, Евгений Иванович, – бдительно прищурился полицейский, – вы не производите впечатление человека, который только что пережил бандитский налет.

– За этот месяц он уже второй, – вздохнул Женя. – Вас, лейтенант, наверняка тоже пару раз в неделю пристукнуть пытаются. Вы после смены сильно из-за этого беспокоитесь?

– Ну, я все-таки на службе, – пожал плечами полицейский. – У меня есть оружие и спецподготовка.

– Вообще-то я тоже на службе, – усмехнулся Евгений. – И за плечами у меня срочная в батальоне охраны объекта особой важности плюс довольно долгие занятия боевыми искусствами в свободное время.

– Благодаря этому вас в двадцать четыре года назначили руководителем представительной комиссии Счетной па-

⁵ ФСТЭК – Федеральная служба по техническому и экспортному контролю.

латы?

– Скажите, лейтенант, – вздохнул молодой человек, – неужели вам хотелось бы увидеть на моем месте пятидесятирехлетнюю женщину с одышкой и мигренью?

– Э-э-э... Вот оно как! – наконец-то сообразил полицейский и даже хлопнул себя кулаком по лбу. – Вы в комиссии – мальчик для битья!

– Не совсем, – обиделся Евгений. – Назначение вполне официальное, я тоже работаю, без моей подписи отчет будет недействителен. Но, в общем... Я и правда не самый опытный из сотрудников. Однако самостоятельные ревизии мне тоже доверяют.

– Но начальник вы только потому, что «добро должно быть с кулаками»? – повеселел от своей догадливости лейтенант.

– Служба физической защиты без достаточных оснований охрану не выделяет, – признался Леонтьев. – Говорят, дорого. Так что шанс для карьеры у меня есть. Ладно, где тут подписать?

– Может, патруль у гостиницы оставить? – предложил полицейский, подсовывая протокол.

– Не, ни к чему, – отмахнулся Женя. – Пугать второй раз никто и никогда не приходит. Думаю, мои «доброжелатели» уже трусят в аэропорт, чтобы успеть смыться, пока их задержанные подельники не сдали. Теперь можно спать спокойно.

Разумеется, старший лейтенант был прав. В Орловской области Евгений Леонтьев был руководителем комиссии чисто номинально. И если при сборе данных по развязке он еще хоть как-то помогал Ирине Анатольевне и ее сотрудникам, то в Москве женщины готовили отчет и вовсе без его участия.

Женя, предоставленный самому себе, решил еще раз взглянуть на последнее дело. То самое, которое он сам нашел, сам предоставил для проверки и которое должно было принести ему первый настоящий успех, но оказалось позорной пустышкой. Евгений Леонтьев был уверен, нутром чувствовал, что что-то в этом детском доме не так.

Ну не бывает, не может быть в России воспитательных учреждений, где ради благополучия обычных сирот на ребенка тратится в месяц больше денег, нежели зарабатывает старший аудитор Счетной палаты с двухгодичным опытом работы!

И одна интересная мысль по этому поводу ему в голову все-таки пришла...

Правда, файла с отчетом и папки черновиков на жестком диске не нашлось – хотя Женя и не помнил, чтобы их удалял. Он пролистал каталоги вручную, проверил поисковой программой и смирился: материалов нет, как будто и не было.

– Сколько раз давал себе слово копии на флэшку делать! – чертыхнулся молодой человек. – Все время забываю. Как всегда, дурная голова ногам покоя не дает.

К счастью, помимо электронных документов, в Счетной палате имелась еще одна копия отчета: бумажная, завизированная начальником департамента. После принятия ревизионных актов их пересылали в секретариат, где они и должны храниться весь срок, отводимый для предъявления финансовых претензий.

Однако на первом этаже Евгения ждал очередной неприятный сюрприз. Вечно чем-то недовольная тетка с серыми волосами буркнула ему из окошка, что отчет уже отправлен в центральный архив.

– Но подождите, почему?! – сгоряча сунул в окошко голову молодой человек. – Ведь положено на три года в Счетной палате оставлять!

– Где положено, а где покладено, – фыркнула носом тетка. – И так все шкафы забиты, пихать вашу макулатуру куда-да.

Она резко дернула верхний ящик, достала засаленную картонную папку невесть каких годов, открыла, сунула к его носу распечатку за подписью Степашина:

– Вот, сам читай! *«Поскольку по делам, по которым в ходе проверок нарушений не выявлено, претензий предъявлять не предполагается, приказываю отправить их в Центральный архив до истечения срока хранения».* Дата, подпись, номера

дел. Их тут за пару сотен.

– А можно взглянуть? – с надеждой попросил Евгений.

– На, только дырку глазами не протри. Номера по порядку, у твоего – исходящий пятнадцать сорок семь. Уехало на главный склад еще позавчера. Коли очень хочется, беги за ним туда.

– Это который на Ленинском проспекте или на Нижегородском?

– На Ленинском, на Ленинском, – утешила его тетка. – До вечера аккурат туда дотрусишь.

Собственно, на этом любой нормальный чиновник по здравом размышлении и должен был остановиться. Свою работу аудитор Евгений Леонтьев сделал честно, начальство отчет приняло и одобрило. А что задним числом появились какие-то новые смутные подозрения и сомнения... Ну, можно отвлечься на них, если это не требует особого времени, пролистать старые пометки, открыть отчет. Однако гоняться за давно сданной работой через всю Москву – это уже явный перебор.

Оправданием молодому аудитору служило только то, что это была его первая самостоятельная ревизия, к тому же по обстоятельствам, выявленным им самим при выборочной проверке расходных статей текущего бюджета. А также то, что волей обстоятельств до сроков сдачи акта проверки транспортной развязки у Жени образовалась пара почти свободных дней. Потому-то он и решил позволить себе еще од-

ну, последнюю попытку.

* * *

Здание архива на Ленинском проспекте больше всего напоминало заводской цех: огромная бесцветная и пыльная коробка из силикатного кирпича с редкими крохотными окошками. Вмещало оно никак не меньше десяти гигабайт самой разнообразной информации. По большей части информации скучной и никому не нужной: старые бюджеты, отчеты, акты ревизий и аудитов, разрешения, постановления и приказы самых разных чиновников самого разного уровня. Достоинной сохранения вся эта бухгалтерия считалась лишь потому, что одна-две бумажки из миллиона раз в десять лет могли оказаться востребованными для справки, проверки и принятия судебного решения по очередному взяточнику либо помочь найти автора какого-нибудь особо гениального или идиотского решения. А не переносилась на жесткие диски эта информация потому, что на бумагах сохранялись автографы. Реальные подписи реальных людей, которые могут быть представлены в суде или иных принимающих решения органах в качестве основного доказательства.

К единственной двери вели три обшарпанные ступени, за створками сидел вахтер, не стесняясь читавший очередную книгу серии «Смертный страж». Охранник покосился на гостя, увидел удостоверение аудитора Счетной палаты и кив-

нул, не поинтересовавшись ни фамилией, ни фотографией.

В пустых коридорах архива было темно и гулко, пахло мышами и вечностью. Пройдя почти все здание насквозь, Евгений наконец обнаружил секретариат, назвал исходящий номер отправленных сюда документов, поинтересовался судьбой своего. Девушки, сверившись с таблицами на мониторах, отправили его на второй этаж в двадцать пятую комнату, откуда пожилая сотрудница с откровенно монгольской внешностью спроварила обратно на первый этаж, в комнату тринадцать. Там его порадовали тем, что полученные отчеты уже разобраны и засланы наверх, в тридцать третий архив.

На третьем этаже аудитора встретил сухощавый старикашка, седоволосый и жилистый, в синем халате с закатанными выше локтей рукавами. Узнав номер затребованного дела, он тщательно изучил удостоверение гостя, пошамкал бесцветными губами и наконец сообщил:

– Подшито уже дело-то. В общем томе находится. Без запроса выдать не могу.

– И не нужно, – спрятал удостоверение Женя Леонтьев. – Это дело вел я, мне нужно всего лишь списать адресные данные нескольких людей. Надо уточнить у свидетелей отдельные детали по ходу производства. Руководство, будь оно неладно, запросило дополнительные сведения.

Старикашка пожевал верхними зубами губу, подумал, забрал у гостя его записку с номерами бумаг и вышел в боковую дверь, из-за которой повеяло застарелой пылью. Моло-

дой человек отошел к окну, отчего-то сделанному под самым потолком. Вид из него открывался небогатый: нахохлившаяся ворона на белой от инея ветке и длинная красная лента, запутавшаяся в кроне сразу за птицей и мелко трясущаяся на ветру.

– Вот, – на удивление быстро вернулся архивариус и положил на свой стол довольно толстую картонную папку. – Отчет подшит, отдельно дать не могу. Смотри здесь.

– Хорошо, – кивнул Евгений, возвращаясь от окна.

Молодой человек не был бы аудитором, если бы сразу не отметил две интереснейшие детали. Его доклад о расходовании бюджетных средств в практически новеньком детском доме на сто двадцать воспитанников оказался помещенным в пожелтевшее от времени дело, на обложке которого тушью было выведено прекрасным каллиграфическим почерком: «Том № 8», «АС-7—3-3-кеВ»; а ниже строкой – «Басаргин сектор».

Вслух Евгений ничего, естественно, не сказал, открыл папку, провел пальцем по нити, прошивающей стопку бумаг со сквозной обратной нумерацией, пролистнул две страницы, выписал себе в блокнот имена и телефоны командировавшихся в школу профессоров, затем перекинул отчеты до последней страницы, словно проверяя целостность нитки, а заодно глянул на дату самого первого ревизионного акта. Это было двадцать восьмое августа тысяча девятьсот тридцать восьмого года. И проверялся тем не менее все тот же

детский дом «Белый медведь», но только с числом воспитанников в сто сорок четыре ребенка.

– Ага, – закрыл папку Евгений. – На том номер семь взглянуть можно?

– Нельзя, – кратко ответил старикашка, забирая дело.

– Как это нельзя? – возмутился молодой аудитор. – Я сотрудник Счетной палаты! По моему требованию мне должны предоставляться любые документы, которые я затребую для своей работы!

– Вот и затребуйте, – посоветовал архивариус. – Если начальник департамента подпишет, вам его привезут.

– Я начальник ревизионной комиссии!

– А у меня инструкции. – Старикашка отправился в архив, но, уже открывая дверь, сжалился и добавил через плечо: – К тому же закрытые тома хранятся не здесь.

– Спасибо!!! – крикнул ему вслед молодой человек.

Теперь ему было над чем подумать. Например, над тем, что если просмотренный восьмой том, еще не закрытый, включает в себя восемь актов проверки за последние семьдесят лет, то первая ревизия, подшитая в первый том, должна была состояться...

В пятнадцатом веке?!

А если предположить, что каждый том – это подборка не из восьми, а из десяти проверок, по сто лет в каждом? Круглое такое и красивое число... Это же тогда получается и вообще полная бредятина!

На некоторое время Евгений даже забыл о причинах своего первоначального интереса к этому делу, прикидывая в голове так и этак возможные варианты.

Предыдущие тома состоят из одной-двух проверок? Возможно. Но архивариусы редко идут на подобные отклонения от норм делопроизводства. Возможно, раз или два. Пусть даже три! Но и тогда начало ревизий все равно уходит в шестнадцатый или семнадцатый век. Ну, может, в восемнадцатый. Куда-то во времена Екатерины Великой.

Что же это за детский дом такой, что наравне с таможенными, университетами и библиотеками имеет свою личную строку в российском бюджете аж со времен Суворова и Ушакова?

Садясь в машину, Женя уже понимал, что заявку на просмотр тома из делопроизводства за номером «АС-7—3-3-кеВ» он напишет обязательно. Евгений колебался только – на какой именно претендовать?

Больше всего хотелось, разумеется, спросить сразу первый! Но если нащупанная им тайна и вправду столь велика, как хочется верить, такие древние документы должны находиться в каком-нибудь музейном спецхране. Их не то что не выдадут – аудитор еще и излишнее внимание к своему открытию привлечет. А докопаться до секрета хотелось самому.

Заявка на информацию ближайших предыдущих проверок будет выглядеть куда более обыденной и естественной.

А уж там, исходя из содержания седьмого тома, он сразу поймет: есть смысл рыться дальше или в нумерации ревизионных актов случилась всего лишь невинная нестыковка? Например – в предыдущих папках хранится всего-навсего подробная опись имущества недавно основанного учреждения. Тогда он не окажется идиотом, подняв шум раньше времени.

Но вот если там тоже подшиты акты проверок, то тогда...

Что он будет делать тогда, Евгений Леонтьев пока не решил, но надеялся на шум в Интернете и славу первооткрывателя крупной исторической тайны.

* * *

Требование на дополнительные материалы к делу Леонтьев составил с ходу, намереваясь передать начальнице вместе с отчетом по транспортной развязке, – но любопытство настолько жгло душу, что Женя не утерпел, побежал в кабинет Дементьевой сразу, едва только бумажка выскользнула из принтера.

– Добрый день, Виктория Яковлевна! – постучав, заглянул он в кабинет.

– А-а, наш Цербер появился! – обрадовалась женщина. – Ну, заходи. Наслышана я уже о твоих подвигах. Молодец, не посрамил учреждения. Сам-то цел? Не ранили?

– Их было всего трое, – небрежно отмахнулся молодой аудитор. – Ерунда. Мне вот такая мысль пришла в голо-

ву, Виктория Яковлевна. А что, если деньги снимаются на командировочные расходы и гонорары? Я про детский дом «Белый медведь». Там эта статья затрат очень велика.

– Даже не понимаю, это у тебя такое непомерное бахвальство или столь великая скромность? – покачала головой начальница. – Какой пустяк: свалить в одиночку трех заставших тебя врасплох уголовников, связать и сдать в полицию!

– Все наоборот, это я их врасплох застал, – отмахнулся Женя. – Они шли бить спящего – и вдруг напоролись на засаду. Без шансов. Так как насчет детского дома? Если документы липовые, а обучение ведут местные преподаватели, организаторам аферы могут перепадать значительные суммы! Я бы очень хотел проверить этот вариант. Опробовать самих профессоров, поинтересоваться графиком лекций. Уточнить, видел их кто-нибудь в указанное время в Москве или нет? Я все равно сейчас бездельничаю. Разрешите?

– Ладно, герой, – пожала плечами женщина. – Ты же не премию просишь, хотя честно заслужил, а работать рвешься. Грех отказывать в такой просьбе.

– Дело уже отправили в Центральный архив, Виктория Яковлевна. Без запроса, подписанного начальником департамента, обратно не выдают... – Евгений подsunул свое требование начальнице под руку.

– Ну, это не проблема. – Женщина выдернула из подставки ручку, написала на уголке листа *«ходатайствую по су-*

шеству» и расписалась. – Отдай секретарше, пусть отнесет шефу на визирование. Давай, сыщик, дерзай. Вдруг у тебя талант?

Виктория Яковлевна была дружелюбна, но памятьлива, и фраза о том, что один из сотрудников мается бездельем, явно не прошла мимо внимания начальницы. Следующим утром Женя получил в руки толстенную папку бумаг и отправился в Федеральное бюро статистики сверять среднеотпускные цены оптовых баз Северного Кавказа и Краснодара на пищевые продукты с договорными на поставки для Пятьдесят восьмой армии.

К удивлению аудитора, закупки по результатам тендеров оказались в среднем на десять процентов ниже, чем на оптовых базах. Хотя проверить по накладным качество Евгений, конечно, не мог. Возможно, по дешевке сбавривали «тухлятину».

Но ведь претензий от военнослужащих и поваров по качеству не поступало?

Не поступало.

Значит, согласно законам делопроизводства, оно находится на самом высшем уровне. Ибо на просто хорошее и то хоть кто-нибудь, да пожалуется.

Работа заняла полтора дня, отчет – еще столько же. Зато в обмен на принятый с одобрением доклад молодой человек получил упакованную в пленку большую картонную коробку без сопроводительных документов и разрешение от началь-

ницы потратить еще один день на расследование своих подозрений.

От предвкушения чуда у Жени даже засосало под ложечкой. Опасаясь разочарования, он не спешил открывать коробку сразу. Для начала запер ее в несгораемом железном шкафу у себя в кабинете, сходил в столовую. Выпив кофе и подкрепившись парой пирожных, вышел на улицу освежиться на морозном воздухе и, только когда озяб, вернулся на рабочее место, приготовил блокнот и лист писчей бумаги для заметок, выбрал среди ручек гелевую, проверил, как ручка пишет, и наконец после этого извлек из-за железной дверцы драгоценную посылку.

Канцелярским ножом Леонтьев срезал пленку, сбросил ее в корзину для мусора, осторожно открыл коробку, извлек из нее картонную папку для бумаг, разительно похожую на ту, что хранилась в архиве на Ленинском проспекте, положил перед собой, погладил ладонями обложку с завязочками, посмотрел в верхний левый угол. Там округлым ровным почерком было старательно выведено: «Томъ 7», «АС-7—3-3-кеВ»; «Басаргинъ секторъ».

Затаив дыхание, молодой аудитор распустил завязки, открыл папку, чуть наклонился вперед, читая заголовок на первой странице, в соответствии с обратной нумерацией оказавшейся триста седьмой:

«Отчет помощника фининспектора Батайского отдела Наркомфина Василия Попова о проверке достоверности све-

дений о расходах школы рабочей молодежи станции Лягушево Мурманской губернии ...»

Женя Леонтьев удивленно вскинул брови, скользнул взглядом по листку. Глаз моментально выхватил три упоминания о сиротах, а также число воспитанников учреждения. В тысяча девятьсот двадцать шестом году их было аж двести шестьдесят один.

– Лягушево... – почесал аудитор в затылке. Женя не помнил поселка с похожим названием возле проверенного полмесяца назад интерната. Хотя, с другой стороны, детский дом выглядел относительно новым, построенным году в девяностом, не ранее. Возможно, его просто перенесли на новое место? Ладно, посмотрим самое интересное...

Аудитор перекинул сразу все содержимое, осторожно отлистнул последние страницы, непривычно толстые и желтые, нашел первый лист первого доклада:

«Повеленіемъ действительнаго статскаго советника Ивана Яковлевича Бухарина, генерал-губернатора губерніи Архангелогородской, Вологодской, Олонецкой и главнаго командира Архангельскаго порта мною, мичманомъ Петромъ Косливицевоиъ во флотскомъ сиротскомъ приюте имени святого Антонія ревизія учреждена ...»

Губы Евгения невольно расплзлись в широкой улыбке – акт проверки датировался седьмым марта тысяча восемьсот двадцать второго года от Рождества Христова!!!

– Бинго! – выдохнул он. – Каждый том отмеряет сто лет

ревизской сказки! Шесть томов – это, считай, шестьсот лет обратно...

Правда, небольшой нюанс Евгения все-таки смутил, но разрешился он легко и просто. Первый же запрос «Яндексу» по истории Мурманской области раскрыл Леонтьеву, что сам город Мурманск был основан только в тысяча девятьсот шестнадцатом году. И что вплоть до двадцать шестого года прошлого века эти земли Кольского полуострова считались Александровским уездом Архангельской губернии.

– Значит, детский дом находился примерно там же, где и сейчас, – понял Леонтьев. – Просто подчинялся другому центру.

Увлеченный своим исследованием, на твердые шаги в коридоре Женя внимания не обратил, но, когда открылась дверь в кабинет, голову все-таки поднял. Увидел темную дыру направленного точно в лоб глушителя и моментально нырнул с кресла под стол. Громкий хлопок указал, что с линии огня он успел уйти лишь в самый последний момент. А разум напомнил, что второй выстрел киллера будет смертельным. Письменный стол в крохотном кабинете надолго своего владельца не спасет.

Евгений скользнул глазами по сторонам в поисках оружия, ничего подходящего не увидел, схватил кресло за стойку сиденья, с ревом вскочил, чтобы метнуть его в убийцу, но в кабинете было уже пусто.

– Вот черт! – облегченно выдохнул аудитор, роняя стул

обратно на пол. – Ни хрена себе, посетители заглядывают!

В крови бушевал адреналин, желание рвать и метать, бить в морду и резать глотки, но стремление погнаться за гостем он в себе все же подавил. Нарываться на пулю по глупости Евгений не собирался. Ведь, как говаривал на срочной их ротный: «В рукопашной схватке всегда побеждает тот, у кого больше патронов».

У противника эти самые патроны имелись, а у него – нет.

Гораздо проще было снять трубку телефона и...

...и обнаружить, что тот не работает.

– Вот черт! – повторил аудитор, посмотрел на вырванный с мясом провод, схватился за сотовый, набрал сразу «112», услышал гудок, щелчок соединения...

– Надеюсь, Евгений Иванович, вы не воображаете, что уцелели исключительно благодаря своей ловкости? – проговорил ему в ухо вкрадчивый баритон. – Поверьте мне на слово, если бы у курьера был приказ вас убрать, вы бы уже стояли перед воротами рая.

– Кто вы?! Что вам нужно?! – Женя в коридор все-таки выскочил, посмотрел направо и налево. Но и здесь было пусто.

– Нам нужно, чтобы вы не совались в дела, которые вас не касаются, Евгений Иванович, – спокойно ответил баритон. – Вы хорошо сделали свою важную и полезную работу. Без независимого контроля со стороны даже самые честные и достойные люди иногда впадают в ненужные соблазны. Те-

перь хочу напомнить, что вы давали подписку о неразглашении информации, ставшей вам доступной по ходу службы. Вы не имеете права никому и никогда рассказывать о том, что узнали в ходе ревизии.

– Про школу-интернат, которая существует на Кольском полуострове уже восемь веков?

– Должен предупредить, Евгений Иванович, – пропустил вопрос мимо ушей неведомый собеседник, – что ответственность за нарушение подписки вам теперь грозит отнюдь не административная и даже не уголовная. Именно это вы и должны уяснить из сегодняшней досадной неприятности. Если вас вдруг спросят о затребованных документах, ответите, что вернули их в архив через секретариат.

– Ч-черт! – Леонтьев крутанулся на месте, метнулся обратно в кабинет.

Папки с ревизионными отчетами у него на столе больше не было.

– И вот еще, – добавил баритон в трубке, – Виктории Яковлевне обо всем этом не рассказывайте. Зачем расстраивать милую женщину? Считайте, что подписка о неразглашении распространяется на нее так же, как на других.

Сотовый коротко запищал.

Женя, обойдя стол, потрогал аккуратную дырочку на подголовнике кресла, сунул в нее мизинец. Палец прошел насквозь. Молодой человек заглянул за спинку. Отверстие в стене уходило довольно глубоко в крашенный бетон перего-

родки. Посетитель стрелял боевыми.

Евгений набрал «112» еще раз, потом «02», потом просто домашний телефон. Везде оказалось занято. Его «трубу» явно заблокировали. Оставалось надеяться, что ненадолго.

И это было куда серьезнее пулевой пробоины. Ведь ствол в принципе может добыть любой гопник, и чтобы нажать на спусковой крючок – много ума не надо. А вот для перехвата сигнала сотового требуются специальная аппаратура, хороший специалист и направленная работа против конкретной жертвы. Затратное развлечение. Даже если это и уголовщина – то весьма и весьма высокого уровня.

Леонтьев опустил в кресло, заглянул в оставшуюся на память коробку от тома с «Делом».

Тому, что он все-таки получил заказанный из архива материал, могло быть две причины. Возможно, хранитель тайны хотел узнать, кто именно сунулся в сферу его интересов, кого конкретно нужно пугать и за кем приглядывать? А возможно, случилась одна из обыденных бюрократических накладок, когда в крупной организации правая рука не знает того, что делает левая, и, пока одна рука секретит какую-то информацию, другая щедро выкладывает ее в открытый доступ. А иногда и одна рука одновременно делает два противоположных дела – выдает секретную информацию в ответ на правильно составленную заявку и одновременно сообщает в «органы» о собственном проступке. Не по злобе, а просто потому, что обязана выполнять должностную инструк-

цию. И поскольку запрос составлен правильно – его следует исполнить, пусть даже после этого весь мир рухнет в пропасть.

Евгений больше склонялся к первому варианту. Быстрота и точность действий неведомого противника плохо вязались с возможностью бардака в делопроизводстве. При бардаке о его запросе на архивный том в спецотделе узнали бы только через месяц – по истечении срока заполнения документации.

– Получается, следили за томом, – сделал вывод вслух молодой человек. – Кто-то опасается, что протоколы ревизий, проводившихся с тысяча восемьсот двадцать второго по тысяча девятьсот двадцать шестой год, попадутся на глаза посторонним людям. Бред какой-то... Даже если кто-то что-то и своровал в детском доме девяносто лет назад, сроки давности давно вышли, свидетели истлели, преступники ушли в мир иной. Кому есть интерес до того, что происходило в столь давние времена?

Он подтянул к себе блокнот, полистал страницы с записями. Наткнулся на дату с вопросительным знаком.

– Двенадцатый век? – Евгений взял со стола ручку, задумчиво покрутил в пальцах. – Желая меня выследить, эти странные анонимы позволили мне полистать записи девятнадцатого века. Наверное, ничего особо ценного в этом томе не было. Они не очень опасались, что я увижу что-то лишнее. Анонимы лишь предупредили, чтобы я не копал глубже. Выходит, самое ценное там, в прошлом?

Женя Леонтьев обвел число «12» кружком. Склонил голову набок, созерцая немислимую дату: «Интересно, что такого могло случиться на Руси восемьсот лет назад, если за попытку это узнать в людей стреляют до сих пор? Двенадцатый век... Хрень какая-то!!! Они на чем тогда писали? На бересте, что ли? Или на пергаменте? И подшивали в канцелярские папки из липового лыка? По современным правилам делопроизводства? Шизофрения...»

Евгений поднял голову, осмотрелся в поисках скрытых камер, но тут же оставил эту мысль как заведомо бредовую: для телерозыгрыша сложившаяся ситуация выглядела слишком заумной и совершенно несмешной. На всякий случай он заглянул в инет и тут же узнал, что первый известный на Руси бумажный документ относится к середине четырнадцатого века, а просто первый из сохранившихся – к середине тринадцатого.

– Выходит, что первый том ревизионных отчетов не уцелел? – задумчиво констатировал молодой аудитор. И тут же, спохватившись, сплюнул: – Вот черт! Я, кажись, уже с ума сходить начал.

Аудитор выключил компьютер, откинулся на спинку кресла – и явственно ощутил затылком аккуратную дырочку в подголовнике.

Если он и сошел с ума, то явно не один. Поскольку за откровенно невозможный архив кто-то без колебаний стрелял вполне реальными пулями.

И, наверное, делал это не просто так.

Леонтьев подумал еще немного, подтянул блокнот ближе, пролистал, а потом вывел на последней странице все те куцые факты, которые успел установить:

– *очень старая школа;*

– *восемь томов, восемь веков;*

– *хранятся в «Басаргине секторе».*

– *мичман Петр Косливец, Архангельск, тысяча восемьсот двадцать второй год.*

Для того чтобы делать хоть какие-то выводы, информации набиралось слишком мало. Однако молодой аудитор понимал: если начали стрелять – значит, он нащупал что-то важное. Пока непонятно что, но проверить нужно. К архиву детского дома его, конечно, больше не подпустят. Но Евгений уже придумал, где можно найти дополнительные зацепки.

Басарга

Доктор наук Александр Березин выглядел именно так, как должен выглядеть маститый профессор. Лысина, окладистая с проседью борода, солидное брюшко, поношенный коричневый костюм, слегка прищуренный снисходительный взгляд умудренного жизнью человека – в наличии имелось все. Покажи такого в любом кинофильме, и зритель сразу поймет: профессор.

Кабинет Березина тоже был «правильный»: два обшарпанных письменных стола, книжный шкаф слева – с научными трудами, стена справа – вся в африканских ритуальных масках. А может, не ритуальных и не африканских. Женя Леонтьев в этом совершенно не разбирался.

– Чем обязан, молодой человек? – Откинувшись в кресле назад и чуть влево, ученый сложил ладони в замок на животе. – По-моему, к числу моих студентов вы не относитесь?

– Увы, нет, Александр Степанович, – полез за удостоверением аудитор. – Это я вам звонил два часа назад. Счетная палата, Евгений Леонтьев. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Всегда рад помочь родному государству, – не очень искренне ответил профессор.

– Скажите, пожалуйста, где вы находились в середине декабря прошлого года?

– В середине декабря? – вскинул брови Березин. – Как странно. В силу некоего совпадения, меня очень просили не отвечать на подобные вопросы. Точно не помню, но мне, кажется, даже полагается какое-то наказание, если я вдруг стану об этом распространяться.

– Не беспокойтесь, Александр Степанович. Я государственный аудитор, у меня есть доступ к любой служебной информации, которая может быть связана с моей работой. И я тоже связан обязательствами по ее неразглашению.

– Простите, но я не очень понимаю все эти тонкости, – пожал плечами профессор. – Меня просили не рассказывать о своей командировке, и мне бы не хотелось оказаться обманщиком. Никаких преступлений я не совершал, это я знаю точно, и свидетелем подобных событий не был.

Спрятав «корочки», молодой аудитор немного подумал и предложил:

– Давайте, я задам вопрос иначе. Мы проверяем возможность нецелевого использования государственных средств в некоем интернате. В соответствии с их бухгалтерской отчетностью вы получили довольно крупную сумму за курс прочитанных для детей лекций. Все, что мне нужно знать, так это то, читали ли вы в декабре лекции вне стен института и получали ли за это деньги? Мы подозреваем, что документация липовая и служит лишь оправданием для выведения государственных средств на подставные счета.

– Ну, если так, – кивнул преподаватель, – то могу с чи-

стой совестью доложить, что с данным интернатом у Института всеобщей истории действует многолетний договор еще со времен СССР, деньги перечисляются открыто и легально, и свой гонорар за лекции я получаю здесь, в кассе, а не тайком в конвертике.

– Проследить денежные потоки нетрудно, – хмыкнул Женья. – Нам важен сам факт чтения лекций.

– Заверяю вас, я их читал, – посерьезнел профессор. – Никакой липы.

– Тогда назовите местность. Можно без деталей, раз уж вас связали честным словом.

– Север, сопки, тундра, – пожал плечами Березин. – Такой ответ вас устроит?

– Вполне, Александр Степанович, – кивнул Леонтьев. – Скажите, а вас не удивило, что читать лекции небольшой группе детей вызывают доктора наук из самой Москвы?

– А вас не удивляет существование Суворовских училищ или Школ спортивного мастерства Олимпийского резерва? – усмехнулся профессор. – Когда дети талантливы, то все равно, если вы хотите получить от них высокий результат, воспитать из ребят хороших специалистов, в их воспитание и образование нужно вкладываться. Так что за этих детишек с Севера я всегда только радовался. Они попали в хорошие, любящие руки, они станут достойными людьми, настоящей элитой общества. Скажу вам больше, молодой человек, меня злит, что подобных интернатов до обидного мало. Вот смот-

рите: наша промышленность, институты, силовые ведомства постоянно плачутся из-за нехватки людей. Так вырастите их! Возьмите шефство над детскими домами, направьте интерес подростков в нужное русло, дайте им профессию и качественную подготовку. Взамен вы получите высококлассных работников, а выпускники детдомов будут выходить в жизнь, зная в ней свое место и имея перспективу на будущее. Может быть, тогда детдомовцы, наконец, перестанут пополнять ряды уголовников и наркоманов, а вместо этого станут нашей гордостью?

– Кстати, об образовании, Александр Степанович, – пользуясь случаем, вытянул свой потрепанный блокнотик аудитор. – Вы не могли бы меня просветить как ведущий специалист, когда появились на Руси первые школы? Как обстояло у нас в стране дело с образованием в древности и Средневековье?

– Хороший вопрос, – кивнул профессор. – Чтобы получить на него в нашем институте достаточно развернутый ответ, вам понадобится всего четыре года. Зато по окончании вы получите степень бакалавра.

– Спасибо, степень у меня уже есть, – улыбнулся Женя. – Только по экономике. Как раз сейчас я пытаюсь ее отработать. Может, развеете мою дремучесть хотя бы поверхностно? Ну, чтобы я понимал, какими в нашей стране были основные этапы развития науки и преподавания?

– Поверхностно... – Профессор вскинул ладони к лыси-

не, ласково погладил себя по голове. – Если поверхностно, то образование на Руси существовало всегда. Судя по тому, что на некоторых найденных археологами берестах шестого-седьмого веков нацарапаны записки типа: «Приходи опосля дойки на сеновал, люто по тебе скучаю», – грамотность была доступна даже простому люду. Такие писульки явно не волхв для летописи сочинял и не купец в расходную книгу заносил. Но первые школы, в нашем понимании этого слова, на Русь принес князь Владимир, вместе с христианством. В десятом веке он открыл первую государственную школу на триста учеников. При его сыне Ярославе Мудром школы открылись в Новгороде, Переяславле, Чернигове, Суздале.

– Это десятый и одиннадцатый века? – уточнил Евгений.

– Да, – согласился Березин. – В ордынское время потребность в грамотности оказалась столь велика, что в городах появились платные заведения, обучающие счету и грамоте. Но принято считать, что качество преподавания в них было куда хуже, нежели в церковных школах. Никакой философии, теологии и прочих премудростей. Только базовые навыки. Если же говорить про науку, то главной вехой тут можно считать изготовление в тысяча четыреста четвертом году в Москве первых часов. Их смастерили русские умельцы под руководством сербского монаха Лазаря. Через тридцать лет часы появились в Новгороде, еще через тридцать – во Пскове, ставили их и во многих монастырях. Изготавливали

эти сложнейшие механизмы в Новгороде. В Соловецком монастыре, кстати, одни из таких древних русских «ходиков» пятнадцатого века сохранились по сей день. Думаю, не нужно объяснять, что сама способность изготавливать часы доказывает факт существования на Руси высокоразвитой инженерной школы, высокоточного инструментария и знания механики? Это вам не мельницу топором на глазок срубить.

– Я понимаю, – согласился Женя.

– Кстати, о мельницах, – спохватился профессор. – Пороховые нередко взрывались, о чем неизменно упоминалось в летописях. Благодаря этим трагедиям мы знаем, что порох на Руси изготавливали аж с четырнадцатого века. При сыне Дмитрия Донского Василии Первом пороховые мельницы уже работали в Москве, Угличе и Ярославле. Может, и в других местах стояли, но только не взорвались. Соответственно, отливались и пушки, в которых порох использовался.

– Понятно, – опять кивнул Евгений.

– Что еще можно сказать про науку? – откинул назад голову профессор. – В тысяча пятьсот тридцать четвертом году на Руси был опубликован медицинский справочник «Прохладный вертоград». То есть у него имелся автор, квалифицированный медик. А также это означает, что на него был спрос. То бишь – практикующие врачи. «Книга сошному письму» того же времени посвящена уже геометрии и землемерию.

– А образование, Александр Степанович? – вернул себе-

седника к более насущной теме Леонтьев.

– С образованием на Руси после выхода из состава Орды стало плохо, – моментально погрустнел ученый. – Настолько скверно, что на «Стоглавом соборе» тысяча пятьсот пятьдесят первого года юный царь Иван Грозный назвал положение буквально катастрофическим. С его подачи Собор постановил повсеместно открывать училища в домах священников и дьяков в селах, а в городах создавать школы при монастырях. Насаждение грамотности подкреплялось изготовлением огромного тиража «Азбуки» и «Часослова» для этих школ. Кстати, печатал их в том числе и небезызвестный Иван Федоров, наш, так сказать, «первопечатник». Славу ему принес «Апостол», но эта книга известна лишь как первая датированная. Печатный же двор, построенный по приказу государя, заработал еще в тысяча пятьсот пятьдесят третьем году, и минимум семь напечатанных там «анонимных» книг сохранились до наших дней. Но не будем умалять славы Федорова. Весьма вероятно, что на казенном печатном дворе он тоже трудился, «Буквари» для школ издавал. К чему это я? А-а, да, образование... Принятые меры принесли быстрый результат. К концу шестнадцатого века русские пушки – знаменитые «чоховские» – уже считались лучшими в мире. Русский архитектор Федор Конь в те же годы по своему проекту строит огромные крепости в Москве и Смоленске, где ему даже воздвигли памятник. На Руси повсеместно строятся бумажные фабрики, заводы с водяным приводом, публикуется

«Устав ратных, пушечных и других дел», который, несмотря на грозное название, является учебником по физике, механике и химии... В общем, русская инженерная школа поднялась на значительную высоту. По тем меркам, разумеется.

– А образование? – опять напомнил настойчивый аудитор.

– У-у, не то слово! – вскинул руки профессор. – В семнадцатом веке на Руси возникло сразу аж целых три серьезных общеобразовательных направления! Было течение византийско-русское, разработанное Федором Ртищевым. Его училище при Андреевском монастыре, начиная с тысяча шестьсот сорок девятого года, обучало греческой, латинской и славянской грамматике, риторике, философии, физике и другим наукам одновременно сотни учеников. Греческие монахи Сафроний и Иоанникий Лихуды по высочайшему повелению царя в тысяча шестьсот восемьдесят седьмом году основали Славяно-греко-латинскую академию. Это, кстати, первый университет в истории России. Он базировался на западноевропейском мировоззрении и обучал юношей в соответствующем ключе. Существовала еще старообрядческо-начетническая школа протопопа Аввакума, которая в тысяча шестьсот пятьдесят втором году начиналась с «кружка Вонифатьева». Самого Аввакума, как известно, сожгли, но вот учение его и книги живут по сей день. Теперь, скорее, как религиозно-философские.

– Наверное, это было тайным учением? – насторожился Евгений.

– Скорее, спорным, – не согласился профессор. – Сторонники латинофильской школы в конце семнадцатого века попытались решить вопрос разницы в подходе к естествознанию силой, но старообрядцы унесли учение в леса и сохранили. А старообрядцы, как известно, хозяева в большинстве крепкие, люди разумные, стойкие к порокам. Учение аввакумовское им явно на пользу идет. В общем, в семнадцатом веке умы на Руси бурлили, как никогда. Именно семнадцатый век стал точкой наивысшего расцвета русской науки и образования. Семнадцатый век – это прекрасные русские географические карты Семена Ремезова, Петра Годунова и Ерофея Хабарова, в честь которого получил свое название Хабаровск; это крупнейший научный труд, лучшее исследование Древней Руси за все время существования исторической науки – а именно «Скифская история» Андрея Лызлова, изданная в тысяча шестьсот девяносто втором году; это знаменитая на весь мир «Арифметика» Магницкого из двух томов, на которой выросли десятки, если не сотни поколений школьников; это первая в русской истории обсерватория, открытая в Холмогорах возле Архангельска...

– Возле Архангельска? – встрепнулся аудитор.

– Да, где-то в пятидесяти километрах, – легко согласился Березин. – Архиепископ Афанасий как раз там наукой с образованием и занимался. Привез телескоп, отгрохал библиотеку и учебные корпуса, поставил крепость. Считайте, из забвения Холмогоры возродил, вдохнул в город новую жизнь.

– А потом? – облизнул моментально пересохшие губы Евгений.

– А потом на трон вступил Петр Первый, всю русскую науку и образование разогнал и заменил их западноевропейскими, – совсем не в тему ответил ученый. – Разумеется, русская инженерная школа и ученая мысль продолжали блистать и в дальнейшем. В тысяча семьсот восемнадцатом году русский механик Нартов изобрел токарный станок с подвижным суппортом, вызвавший фурор в Европе; Ломоносов открыл закон сохранения материи и движения; в тысяча семьсот шестидесятом механик Глинка придумал прядильную установку с водяным приводом; в семьдесят шестом Кулибин разработал проект первого в мире арочного однопролетного моста; в восемьдесят девятом вышла книга Головина «Плоская и сферическая тригонометрия», но... Но эти события уходят уже далеко за пределы Средневековья, о котором вы меня спрашивали.

– Спасибо огромное, Александр Степанович, вы нам очень помогли, – спрятав блокнот, поднялся аудитор. – Можно последний вопрос?

– Задавайте.

– Термин «Басаргин» вам ни о чем не говорит?

– Басаргин? – неожиданно рассмеялся профессор. – Ну как же, как же не говорит! Забавно, что о нем спрашиваете именно вы. Вы ведь из Счетной палаты, ревизиями занимаетесь? Так вот, Басарга Леонтьев – это ваш прямой и ярчай-

ший предшественник. Самый знаменитый ревизор за всю историю России. Настолько знаменитый, что на Кольском полуострове его имя до сих пор знает каждая собака...

* * *

Взрыв случился в середине дня: с оглушительным грохотом взметнулась к небу изрядная часть крепостного вала, полетели в стороны бревна и люди, качнулась сама земля – многие воины, не ожидая такой незадачи, попадали с ног, после чего на них посыпались комья грязи, щепы и обрывки одежд, а боярскому сыну Федору Голику прямо на лицо шлепнулась оторванная человеческая ладонь.

Поднятая пыль оседала довольно долго, ложась толстым ровным слоем и на вытопанные, изрытые сапами и обезображенные тынами слободы, и на лагерь воротынской дружины, и на кафтаны стрельцов. Бояре, сплевывая лезущий в рот и ноздри мусор, метнулись к палаткам – они застегивали юшманы и насаживали на головы шлемы, влезали в панцирные кольчуги и опоясывались саблями, разбирали рогатины и щиты. Поэтому первыми в наступлении опять оказались татары. Едва в серой пелене стал различим широкий пролом в стене возле Арских ворот, казанские татары, изгнанные вместе с ханом Шиг-Алеем из родного города но-

гайцами хана Едигера⁶, ринулись вперед, через заваленный мешками с землей и вязанками хвороста ров, через огромную яму, оставшуюся на месте взрыва. Следом рванулись к городу стрельцы, а за оными кинулись бояре из ближнего к пролому лагеря.

Басарга Леонтьев вместе со всеми как раз перебрался через яму, когда из пыльной пелены города послышались крики и лязг железа, хлопнули два негромких выстрела, потом прямо на него попятился стрелец в синем кафтане.

Боярский сын подумал о том, что нужно сомкнуть строй на случай вражьего нападения, но тут стрелец упал, над ним взметнулась окровавленная сабля – и Басарга что есть силы ударил рогатиной вперед, вогнав острие ногайцу в живот на всю длину, до распорок, тут же отдернул, освобождая оружие, ткнул им в какую-то неясную тень за спиной падающего басурманина. Копье подпрыгнуло вверх, из-под него вперед метнулся в сверкающей кольчуге вислоусый круглолицый ногаец с украшенной бунчуком пикой, тоже кольнул, метясь в горло, но боярский сын уклонился, прикрылся от ножа в левой руке врага щитом.

На Басаргу сзади давили наступающие бояре, на басурманина, видать, тоже, поскольку второй попытки уколоть друг друга не получилось. Столкнувшись, они оказались прижа-

⁶ Вспоминая знаменитое взятие Казани в 1552 году, не следует забывать о том, что в состав русского войска входило почти 50 000 казанских татар – царских союзников. А отбивались в городе 30 000 ногайцев – сторонников османского султана.

ты лицом к лицу, да так сильно, что не могли пошевелиться.

– Проклятый гяур! – успел выдохнуть ногаец, когда скользнувшая над ухом Басарги рогатина резко ударила его в глаз, отскочила, снова скользнула вперед, вонзившись в подставленный щит.

Вислоусый стал оседать, боярский сын ощутил его слабинку, тут же ею воспользовался, чтобы выдернуть саблю, и, когда щит с засевшей в нем рогатиной чуть приопустился, со всей силы уколол острием клинка за него. Послышался крик, басурманин упал, толпа наступающих качнулась вперед, и ненадолго стало свободнее.

Басарга прикрылся щитом от сверкнувшего слева клинка, отбил копьё справа, снова прикрылся, рубанул саблей вдоль вражеской пики, отсекая чьи-то пальцы, уколол стегаемый халат впереди под высоко поднятый щит, сделал два шага вперед, принял на щит удар топорика, перерубил держащую его руку, получил откуда-то шлепок по голове, по шишаку – столь резкий, что на миг в глазах потемнело, и воин ненадолго остановился, покачиваясь и приходя в себя. Его обогнули другие бойцы, но тут впереди опять послышался злобный вой, бояре попятились. Басарга поджал щитом напирющие спины, помогая соратникам устоять на месте, однако напор оказался слишком силен. Толпа подалась назад, вдобавок справа вдруг густо посыпались стрелы, ранив людей в плечи и лица.

Боярский сын неожиданно обо что-то споткнулся, опро-

кинулся на спину, покатился, оказавшись на дне воронки от взрыва лицом к лицу со стрельцом с разрубленной головой. По кровавой ране уже всюду ползали мухи.

Сверху стали скатываться другие бояре – и Басарга, пока не задавили, попятился, выбрался из ямы на вязанки, заполняющие ров, перелез дальше. Щит все еще оставался в его руке – но сабля потерялась где-то там, вырванная из пальцев при кувыркании.

Боярский сын огляделся, надеясь подобрать клинок кого-то из павших, но вокруг, на удивление, не оказалось ни одного тела – главная сеча случилась на улицах Казани.

– У-а-а-а!!! – Опрокинув последних ратников, басурманская толпа хлынула через воронку и ров наружу.

Уцелевшие русские воины побежали прочь, спасая свои жизни. Басарга, остро, до холодного пота между лопаток, ощущая свою незащищенность, тоже кинулся наутек, спотыкаясь о разбросанные обломки бревен и комья глины, пока внезапно не врезался в богато одетого юного князя в шитой золотом ферязи и высокой соболиной шапке.

– Куда драпаешь, заяц ушастый?! – схватил его за горловину юшмана молодой витязь. – Там люди русские в рабстве гниют, там единоверцы твои кровь проливают! Там твое место, трус безродный!

– Саблю... Потерял... – растерянно выдохнул Басарга, пытаясь понять, откуда он знает этого безусого, но высокого плечистого юношу.

– На! – Князь вырвал из ножен клинок и сунул ему. – Не опозорь!

И тут Басаргу кинуло в жар: бегущих из города ратников пытался остановить государь. Сам Иоанн, кинувшийся к прорыву быстрее своей свиты!

– Ца-а-арь!!! – во все горло закричал боярский сын Леонтьев. – Царь с на-ами!!!

Он развернулся и бросился навстречу ногойцам. Поймал на государеву саблю одного, вскинул вверх, выбросил вперед щит, сильным ударом окантовки ломая ребра, принял на щит пику, присел, длинным взмахом подрубил врагу колено, крутанулся, принимая выпад другого на грудные пластины юшмана и пуская кончик клинка вскользь, чтобы ответным ударом вспороть басурманину горло, столкнулся щитами еще с одним, подпрыгнул, наваливаясь и перекрывая ему обзор, а потом, резко присев, подрубил врагу ноги.

Ощущение близости государя, тяжесть царского клинка в руке удесятерили его силы, позволяли ломать окантовкой щита руки и ребра, рубить черепа прямо со шлемами, колоть так быстро, что ногойцы умирали, не успев понять, откуда пришла беда.

– Ца-арь!!! Царь с нами! За Иоанна! За царя!!!

Внезапно развернувшееся и встретившее басурман щитами и саблями воинство заставило ногойцев остановиться, а затем и попятиться. Случившейся заминки хватило боярину Басманову, чтобы поднять полусотню бояр в седла и, про-

мчавшись через поле, врезаться в толпу защитников Казани. Конница, стоптав правый край врага, прорубилась до середины человеческой массы и остановилась, стремительно тая, точно сугроб под весенними лучами. Под уколами пик, ударами мечей и топоров всадники падали один за другим под ноги басурманам – однако тут грянул плотный залп выстроившихся в правильную шеренгу стрельцов. Свинец на чисто скосил левый край ногайской толпы, изрядно проредил центр. Уцелевшие защитники города побежали.

– Ур-ра-а-а!!! – Бояре и бросившие пищали стрельцы ринулись следом.

Басарга мчался вперед самым первым – вот тут его и поймала длинная татарская стрела, впившаяся в ногу чуть выше колена. Боярский сын вскрикнул от боли и рухнул наземь, больно врезавшись головой в расколотое вдоль полугнилое бревно. Скорее от этого удара, нежели от раны, он ненадолго обеспамятствовал, но, придя в себя, понял, что царская сабля по-прежнему крепко зажата в правой руке.

Отерев драгоценный клинок о полу халата мертвого ногайца, Леонтьев спрятал его в ножны, в которые чужое оружие влезло всего на две трети, потом осмотрел рану. Стрела прошла ногу насквозь, совсем рядом с костью, и ее окровавленный наконечник торчал под бедром на длину двух ладоней. Сломав древко, Басарга продернул стрелу дальше, освобождая рану, отбросил в сторону и медленно захромал к лагерю.

Возле палатки боярских детей Леонтьевых было тихо и пусто. Похоже, и отец, и старший брат, и пятеро холопов сейчас рубились на улицах города за пробитой взрывом брешью. Раной пришлось заниматься самому.

Спустив порты и ополоснув рану чистой водой, Басарга достал из стоящей всегда наготове чересседельной сумки комок серого болотного мха, прижал сверху к кровоточащей ране, накрыл тряпицей, еще один комок подложил снизу, плотно обмотал рану матерчатой лентой, закрепил узлом. Натянул штаны. Обойдя палатку до противоположной стенки, поднял овечий бурдюк, сделал несколько больших глотков яблочного вина, заел его гречневой кашей из еще не остывшего котелка – взрыв отвлек и бросил в бой боярскую семью как раз во время обеда.

Наскоро утолив голод и жажду, Басарга прихватил топорик на длинной ручке, на всякий случай сунув его за спину, за пояс, взял вместо порядком изрубленного и треснувшего в двух местах щита новый и вышел на воздух, решительно направившись в сторону Казани.

От лагеря воротынской дружины было видно, что приступ развивается успешно. Снаружи в пролом продолжали пробираться все новые и новые бойцы. Покамест – только татары и казаки. Из бойниц Арской башни воины стреляли в сторону города. Значит, она уже взята. А пока бояре и стрельцы рубились с врагом врукопашную, мастера и наряд торопливо придвигали к пролomu высоченную осадную башню с полу-

сотней больших и малых пушек. Еще час или два стараний – и эти пушки смогут поддержать атакующих, стреляя внутрь крепости прямо через стену.

В сторону царской ставки от бреши скакали семеро бояр с развевающимися за плечами епанчами. Басарге показалось, что самый первый, в пурпурном плаще, – это князь Михайло Воротынский. Но на таком расстоянии боярский сын мог и ошибиться. К тому же он слишком спешил к пролому, навстречу редкой веренице раненых, горя желанием вступить в схватку – исполнить долг свой воинский и поддержать боярскую честь.

Однако путь в триста сажен оказался слишком тяжел для раненого. Ко рву он подступил, уже приволакивая ногу, через полузасыпанную телами яму перебрался с трудом. Подстреленная нога ощущалась, как мешок с зерном: тяжелая, непослушная, холодная. Вдобавок на штанине снова начала проступать кровь.

Негромко ругаясь, Басарга повернул вправо, к Арской башне, стараясь не ступать на мертвецов. Получалось плохо: трупы лежали в три-четыре слоя, русские и басурмане вперемешку. Некоторые еще продолжали стонать или вздрагивать, но это были уже последние, предсмертные судороги.

Крепостную башню казанцы срубили на совесть, из десятиметровых дубовых бревен в полтора обхвата толщиной, подняв на высоту сажен десяти и устроив целых пять боевых ярусов. Снаружи это укрепление было совершенно непри-

ступным, но из города внутрь вела дверь. Ее-то ворвавшиеся за стену воины и прорубили. Тонкие, в две ладони, сосновые бревнышки – это вам не дубовые стены – поддались быстро.

За дверьми, видно, схватка тоже выдалась жестокой. Тут лежало два десятка стрельцов, несколько одетых в броню бояр и с полсотни ногайцев в кольчугах и халатах. Наверное, весь гарнизон башни здесь в одной сече и полег.

Перебравшись через убитых, Басарга присел на какой-то бочонок, приспустил штаны, осмотрел повязку. Она и вправду сбилась немного вниз и явно ослабела. Распустив узлы, боярский сын замотал ногу снова. Доковыляв до ближнего ногайца, раненый распорол на нем халат, отрезал от подола рубахи две полотняные ленты, навязал поверх старой повязки, стремясь надежно закрепить ее на месте. Огляделся, приходя в себя.

Нижняя часть башни защитниками использовалась как склад. С чем были бочонки, Леонтьев разбираться не стал, но вот лежащие широкими слоями пучки стрел Басарге понравились. Тем более что луки мертвецов тоже проглядывали между телами. Выбрав один и прихватив под мышку два пучка, воин забрался на второй ярус – полутемный, всего с двумя узкими бойницами, тоже заваленный мешками, заставленный сундуками и бочонками, выстеленный россыпью ломаных стрел. На третьем ярусе оказалось светлее. Здесь были три бойницы, направленные в сторону русского лагеря, и две – по сторонам, вдоль стены. Возле одной из трех пушек

сидел прикованный к лафету за ногу османец, отчего-то не убитый при захвате, и однообразно завывал, глядя в пол и обхватив руками голову. Цепь имела длину шага три, не более, и потому Басарга безопасного бедолагу тоже не тронул, полез выше.

Здесь пушек стояло две, а бойниц прорублено было целых шесть – три направлены на врага, две на стены и одна в город. Возле внутренней двое холопов в колонтарях увлеченно пускали стрелы куда-то вдаль. Басарга, не задерживаясь, поднялся дальше, на самый верх, где отдыхали два стрельца и пятеро одетых в панцирные кольчуги детей боярских. Все оказались ранены: у кого лицо залито кровью, у кого нога замотана, у стрельца с узкой рыжей бородой кафтан на груди оказался иссечен так, что вата и конский волос набивки свисали наружу крупными кровавыми шматками, половина левого подола валялась рядом с сапогом, а вторая лоснилась от влажной грязи. Однако выглядел стрелец вполне бодро, старательно вытирая клочком ваты кровь с глаз своего сотоварища. Бояре же занимались ранами самостоятельно. Видно, остались в жаркой схватке без холопов.

Басарга подошел к краю верхней площадки, оперся на зубец, всматриваясь в улицы Казани, над которыми клубился белый пороховой дым.

Ногайцы новомодное оружие не жаловали, предпочитая в дальнем бою луки. Значит, палили стрельцы. То ли вернулись за своими пищалями, затруднившись ломать без них

басурманское упрямецтво, то ли кое-кто с самого начала огневое снаряжение с собой захватил.

От башни расходились четыре улицы, и сеча шла на каждой. Однако только на самой правой, что тянулась ближе к полуразбитой стене, русские увязли в басурманском сопротивлении. Им удалось пробиться вперед всего на сотню шагов. На охоте Басарга Леонтьев на таком расстоянии и зайца, и рысь бил без труда. А бывало, и белку с дерева снимал.

Боярский сын вытянул стрелу из одного пучка, взвесил в руке, положил на ладонь, проверяя баланс. Потом открыл поясную сумку, нашарил и насадил на большой палец правой руки кольцо с прорезью, зацепил им тетиву, проверил крепость лука и его натяжение, уложил в сжатый кулак длинное древко с широким режущим наконечником, подступил к зубцу, резко натянул лук и пустил стрелу в задние ряды напирających на стрельцов ногайцев. Стрелять ближе из чужого, незнакомого оружия Басарга все же не рискнул.

Однако выстрел оказался на удивление точным, и две следующие стрелы молодой воин пустил уже ближе к дерущимся, выбирая среди врагов тех, кто рубился без доспехов.

– Ты из какого рода будешь, служивый? – зашевелились бояре.

– Боярский сын князя Воротынского я, – ответил Басарга. – Еремея Леонтьева отпрыск.

– А мы от боярина Андрея Басманова исполчались, – ответил один, в округлой железной мисюрке на голове, с напо-

ловину закрывающей лицо бармицей. На грудь его ниспадала седая ухоженная борода. – Я из рода Колычевых, Алексей, сотником стою. Побратим мой Терентий – из Гончаровых, а это – братья Прилепины.

– Здоровья вам, служивые, – кивнул Басарга и быстро выпустил одну за другой сразу две стрелы. И обе на диво удачно ушли под ворот ногойского халата. Выцеленный им басурманин упал.

То, что встреченный ратник был сотником, боярского сына ничуть не волновало. У Басмановых – свои сотники, у Воротынских – свои.

– Лук, смотрю, татарский у тебя, боярин, – продолжил Колычев. – У ворога взял али свой такой?

– Внизу таких еще с десятков лежит, бояре, – с выдохом пуская еще стрелу, ответил Басарга. – Нечто не заметили?

– Рюрик, сходи! – после короткого колебания, приказал Алексей Колычев. – Принеси, сколько найдешь.

– Я тебе что, холоп? – возмутился один из братьев Прилепиных.

– Сотник я! А ты – ратник из полка Басмановых.

– Пусть вон Терентий бежит. Гончаровы позднее Прилепиных к Ополю поселились. Посему и род их ниже.

Басарга опять выбрал жертву и пустил вниз несколько стрел. А Басмановы бояре продолжали препираться у него за спиной:

– Не видишь, нога у боярина Гончарова посечена? Тебе

велю сходить! Смотри, боярину на послушание ваше пожалуюсь, он вам быстро рода выровняет!

– Токмо тогда Гончарову я не понесу. Тебе, как сотнику, и братьям своим. Дабы в обычай сие не считалось!

– Да иди уж! Коли надобно будет, свой лук ему отдам.

Басарга продолжал метать стрелы, насколько хватило сил, свалив не меньше пяти ногайцев и растратив всю первую связку. Когда на его место, наконец, подступили басмановские бояре, торопливо засыпая врага сразу из трех луков, Леонтьев с облегчением опустился на пол, привалившись спиной к внешней стене и пытаясь отдышаться.

Воздуха не хватало. От подступившей слабости перед глазами прыгали сиреневые искорки. Ныла, подобно гнилому зубу, раненая нога – и почти так же сильно болела правая рука. Чужой лук оказался тугим, и, натянув тетиву сотню раз, Басарга уже почти не ощущал на ней пальцев. Да и крови он потерял изрядно, что тоже на силах сказывалось.

«С братом и отцом было бы проще, – подумалось ему. – С ними можно меняться...»

Один из бояр Прилепиных вдруг вскрикнул и опрокинулся на спину. Из его глазницы торчала, мерно подрагивая, стрела с серым совиным оперением.

– Рюрик!!! – бросив луки, кинулись к нему братья. – Господь всемогущий, нет! Рюрик, очнись! Что мы матери скажем? Как же ты?

– Выцелил кто-то... – Сотник, подобрав оброненный лук,

подступил к бойнице, осмотрелся. Поднял с пола стрелу, начал ловить наконечником врага.

– Басурмане поганые! – Один из Прилепиных снова схватился за оружие, стал беспорядочно стрелять куда-то вниз, но вскоре отскочил назад с криком боли. Ему повезло больше, чем брату: стрела вонзилась в руку. Но, похоже, сломала кость.

– Вы слышите? – отвернувшись от бойницы, вскинул голую сотник Колычев. – Никак трубы отступление поют?

– И верно, отступать велено, – согласился его побратим Терентий. – Уходить надобно, пока одни супротив всех нехристей не остались.

Это было правдой. Со стороны русского лагеря трубачи играли приказ к отступлению, звали своих воинов обратно в лагеря.

Басарга не без труда поднялся, выглянул наружу. На нескольких улицах Казани сеча быстро откатывалась к пролomu. Однако ногойцы не желали отпускать русских просто так и раз за разом кидались во все новые атаки, не давая спокойно уйти. Бояре сомкнули щиты в прочную стену и пятились, не ввязываясь в схватки, – только отбивая попытки достать их саблями и пиками. Но на двух улицах – средней и той, что тянулась вдоль стены, – сражение продолжалось с прежней яростью.

– Коли до ночи застрянут, их тут всех перебьют. Нешто труб служивые не слышат? – громко забеспокоился Басарга.

Однако в башне его никто не услышал. И стрельцы, и басмановские бояре уже ушли, не желая оказаться отрезанными от своих. Боярский сын, спохватившись, тоже заторопился вниз, но с его тяжелой и непослушной ногой это оказалось не так-то просто. Если наверх Леонтьев заволакивал конечность за собой, ненадолго опираясь при шаге, то для спуска приходилось сперва спрыгнуть на ступеньку, потом приподнять за штанину раненую ногу и опустить рядом. Снова опереться для спрыгивания и опять переставить. Иначе нога подчиняться отказывалась.

Пока Басарга добрался таким образом до второго яруса – внизу послышались шум, крики, в дверь башни ввалилось с десятков людей, зазвенело железо. Ругань и громкие проклятия сразу выдали русских воинов: отстоять дверь служивым не удалось, многочисленная толпа басурман теснила их к дальней стене. Боярский сын сдернул с плеча лук, потянул из последней связки стрелу. Сверху, из люка, всадил гостинец одному ногойцу, другому, третьему.

Татары отпрянули, не сразу поняв, откуда свалилась беда, но быстро разобрались и разделились на две группы. Одна ринулась добивать последних стрельцов и бояр, басурмане из другой начали тыкать пиками вверх, пытаясь заколоть Басаргу, – но пока не доставали. Боярский сын успел выпустить еще две смертоносные стрелы, прежде чем враги подобрали щиты и, прикрываясь ими, полезли вверх по лестнице.

Молодой воин стал стрелять по ногам, сбил с ног еще од-

ного басурманина, а потом отбросил бесполезный лук, левой рукой потянул из-за спины топорик, правой обнажил саблю. Он понимал, что с непослушной отечной ногой ни убежать, ни даже отступить не сможет, а сдаваться в плен не собирался.

Едва первый из ногайцев ступил на пол, Басарга быстрым выпадом зацепил боевым топориком верх его щита, резко потянул на себя, споро ударил открывшегося врага саблей в горло. Тот жалобно хрюкнул, опрокинулся назад, заваливаясь на своего товарища, и боярин, пользуясь шансом, со всей силы рубанул второго ногайца по плечу. Оба басурманина рухнули вниз, но вместо них полезли другие, тоже прикрываясь деревянными прямоугольниками. Первый слишком старался, закрывая голову, – и боярскому сыну удалось подрубить ему ногу, но второй в тот же миг на всю длину ударил Басаргу пикой в грудь.

Пластины юшмана выдержали, однако сам Басарга потерял равновесие, опрокидываясь назад, торопливо отполз и, лежа на спине, каким-то чудом отмахнулся от двух уколов копья в живот и лицо...

Внезапно ногаец закатил глаза и упал. Через него перемахнул прыжком молодой стрелец в синем кафтане, прижался рядом спиной к стене и резко выдохнул:

– Жив еще, боярин?

Возле люка ловко отмахивался бердышом от нехристей еще один – но достать врага через щиты не смог, попятил-

ся к товарищу. Наступающий ногаец изумленно открыл рот, захрипел, уронил щит, поднялся выше. Стало видно, что лезет он теперь не сам, – его поднимают с первого яруса русские сразу на трех рогатинах. Вверх по лестнице побежали вперемешку стрельцы и бояре. Много, несколько десятков. Поднялся князь Воротынский, закрывая лицо окровавленной тряпкой⁷. От яркой епанчи на нем остался только красный тряпичный клочок на левом плече, а доспехи потемнели от крови.

– Пушки османские вниз тащите! – решительноскомандовал воевода. – Кто там из стрельцов?! Зелье и жребий⁸ тут в бочках у басурман быть должны. Напротив двери тюфяки ставьте. Мы завал разбили, и басурмане тоже разобьют. А под жребий лезть побоятся.

Башня наполнилась деловитой суетой. Кто-то из стрельцов сбивал обручи бочек, кто-то собирал банники и шомпола, сразу несколько спускали по лестницам трофейные тюфяки. Им навстречу поднялся боярин в сверкающем чистотой и новизной бахтерце с золочеными пластинами, следом быстро и легко запрыгнули на ярус двое молодых холопов в кольчугах, из-под коротких рукавов которых торчали алые атласные рукава.

⁷ В сражении у Арских ворот князь Михайло Воротынский, сражаясь в окружении, получил тяжелую рану в лицо, а от неминуемой смерти его спасла, по свидетельству очевидцев, только крепость доспехов.

⁸ Жребий – самопальная картечь.

– Да скажи ты, княже, наконец, отчего так зол ныне? – расстегнув ремень, скинул шлем и тафью боярин, отер потную лысину. – Чем государь порадовал?

– Сказывал, не готов Большой полк к приступу! – резко повернулся к нему Михайло Воротынский и зло метнул окровавленную тряпку в стену. – Не успеет до темноты выступить!

– Чего же тогда взрывали?

– А об том ты розмысла нашего пытай, боярин! Ваньку Выродкова!

– Не разумею я слов твоих, княже, – мотнул головой из стороны в сторону княжеский собеседник. – Прямо скажывай, как поступать нам воеводы царские приговорили?

– Уходить велено. Оставить Казань да в лагерь возвращаться. Общего приступа ждать. Но не быть такому, чтобы Воротынский от басурман, ровно пес шелудивый, драпал! – в ярости сжал кулак князь. – Коли взял сию стену и башню, живот свой здесь положу, но ни единого шагу назад не сделаю!

Воевода заметался от стены к стене, остановился возле Басарги, безуспешно пытавшегося подняться на ноги, бросил на него критический взгляд:

– Да ты совсем плох, боярин. Выбираться тебе надобно, пока басурмане отхлынули. Давай подымайся. Я холопам велел стену поджечь, дабы ногайцы ночью не залатали. Слуги тебя до пролома и доведут.

– Не надо мне до пролома, – тяжело выдохнул Басарга. – Я биться буду.

– Что за прок от тебя в битве, служивый? Ты вон даже на ноги встать не в силах!

– Нога не держит, княже, ан руки крепкие. Вели меня у окна любого посадить да стрел принести поболее. Глаз у меня меткий, не пожалеешь.

– Прости, имени твоего не помню, – прищурился Михайло Воротынский. – Но лицо, вижу, знакомое.

– Боярский сын Леонтьев, княже. Под твою руку исполчался, крест целовал живота за тебя не жалеть. Не гони, княже, Христом-богом прошу. Двумя ярусами выше бойница есть удобная. Аккурат для меня.

– В такой просьбе отказать не могу... – Князь поднес руку к лицу, оторвал, посмотрел на окровавленные пальцы и ругнулся: – Опять течет. Никак не остановить. – Воротынский развернулся и шагнул к боярину, с которым недавно беседовал: – Ну что, друже? Обнимемся напоследок? Ногайцы, мыслю, дух перевели, скоро снова полезут. Уходи, пока тихо.

– Да как язык у тебя повернулся, княже?! – отстранился боярин. – Род Басмановых издавна в битву первым идет, да последним отступает! Не бывать такому, чтобы я от соратников своих в теплую постель убегал! Покуда ты здесь, то и я ни на шаг не сдвинусь.

– Так ты жив, боярин? – даже привстал со своего места Басарга, вглядываясь в воина, лицо которого в сумраке вто-

рого яруса различалось с трудом. – Твоя же сотня вся полегла, когда ногайцев у пролома топтала!

– Не откована еще та сабля, чтобы голову Андрея Басманова от тела отсечь! – рассмеялся воин. – Моя шея любой стали крепче!

На вид ему было лет сорок, но голос звучал молодо, да и лицо еще не тронули морщины. Темная курчавая борода, подстриженная ровным полукругом, длинный тонкий нос, узкие скулы. Боярин был так же вычурно красив, как и его узорчатый с позолотой доспех.

– Дай Бог тебе долгих лет, боярин. Сотня твоя меня ныне от верной смерти спасла. Низкий тебе за то поклон от боярского сына Басарги.

– Все мы братья во Христе, служивый. Одной земле, одному Богу, одному государю служим. Посему завсегда помогать друг другу должны, – кивнул Андрей Басманов и махнул холопам рукой: – Тишка, Ухтарь, отнесите боярского сына, куда просит, усадите удобно и стрел доставьте, дабы нужды в них у витязя не имелось.

Парни подхватили раненого под плечи, поддержали снизу, быстро поднялись наверх, опустили возле облюбованного окна, убежали, вскоре вернулись с пустым бочонком из-под зелья, роняющим мелкую пороховую крошку, усадили, свалили возле ног несколько запыленных от времени связок. На этот раз стрелы были с гранеными наконечниками, удобными для пробития брони. Но почти все – тронутые ржав-

чиной. Видать, долго дожидались часа, когда понадобятся, не один десяток лет.

На город тем временем опускалась тьма. Молитвами монахов Богоявленского монастыря насланные басурманскими чародеями дожди остановить удалось⁹, но небо оставалось пасмурным, не пропуская к земле ни лунного сияния, ни света звезд. Казань освещалась лишь огнями пожаров: пламенем горящей возле пролома стены и нескольких домов, возле которых полдня шла тяжелая битва.

Загоревшиеся во время битвы дома ногайцы потушили довольно быстро, но вот к стене защитники Арской башни их не подпустили. И Басарга, и бояре, что сидели на верхней площадке, отогнали непрошенных пожарных стрелами, двоих убив, а еще нескольких ранив.

В ответ басурмане попытались захватить занятое русскими укрепление, но два пушечных залпа окатанной речной галькой¹⁰ и посыпавшиеся на голову стрелы заставили их отойти. В ночной темноте ногайцам оказалось не так-то просто угадать, где засели враги и сколько их собралось, – а вот бить из бойниц по толпе, подсвеченной пожаром, было без-

⁹ Если верить Карамзину, то при осаде Казани обе стороны конфликта применяли климатическое оружие. Во всяком случае, тамошние ратники были в этом уверены совершенно твердо.

¹⁰ Огонь из первых пушек велся не драгоценным железом и свинцом, а каменными ядрами и обычным щебнем или галькой вместо картечи. Переход от каменных к чугунным ядрам и металлической дроби происходил как раз в середине XVI века.

опасно и удобно.

Всю ночь на отбитых улицах стучали топоры. К рассвету стало видно, что казанцы, разобрав ближние строения, поставили перед проломом новую стену из срубов в три человеческих роста высотой и теперь торопливо наполняли их землей. Басарга для пробы пустил в строителей несколько стрел, но из-за дальности не попал. Однако горожане после этого стали заслоняться щитами.

Незадолго до полудня, пробравшись невидимыми сверху глазами, басурмане внезапно ринулись на Арскую башню изрядной толпой, стараясь держаться по сторонам от двери. Стрельцы отважно дождались момента, пока враги подойдут вплотную, и начали палить из пушек, лишь когда басурмане полезли внутрь. Ногайцы, презрев смерть, кидались прямо под каменный жребий, сносящий головы и ломающий ребра даже под самыми прочными доспехами, устилала подступы десятками тел – тюфяков же внизу оказалось всего три, и басурмане опять ворвались внутрь.

Бояре и стрельцы побежали с верхнего яруса вниз, а прикованный к своему месту Басарга мог только слышать шум сечи да пускать стрелы в бегущих на подмогу нехристей. В него тоже стреляли, но пока Бог миловал: два наконечника безопасно скользнули по пластинам юшмана, а один рассек ухо – да так быстро, что воин даже боли не ощутил. Почувствовал лишь, как потекла кровь за шиворот.

Спасла русское воинство осадная башня, наконец-то по-

ставленная размыслими в правильном месте. Ее десять пушек внезапно загрохотали через стену, крупным стальным дробом расчищая подступы к двери. Ногайцы схлынули, укрываясь от смертоносного огня, отпрянули вдоль улиц, а вскоре стих и шум боя внизу. Башню удалось отстоять.

Басарга с облегчением уронил вниз натруженную руку, уперся лбом в холодное бревно, отдыхая, и даже задремал, когда его плеча коснулась тяжелая ладонь:

– Жив ли ты, боярский сын Басарга Леонтьев?

– Прости, княже, – вскинулся молодой воин и сгоряча даже попытался встать. – Прикорнул...

– Не тебе каяться, служивый, – остановил его Воротынский. Вид воеводы был страшен: лицо трескалось кровяной коркой, борода и усы топорщились жесткими корнями. – Воды приносили тебе? Еды давали?

– Нет, – покачал головой Басарга. – Холопы и родичи еще вчера в сече потерялись.

– Лука, проследи, – обернулся князь на сопровождающего его могучего воина, снаряженного так же хорошо, как сам воевода.

– Сделаю, княже, – заверил хозяина слуга.

И действительно, где-то через час уже другой, молодой холоп принес боярскому сыну бурдюк воды и изрядный шмат солонины. Слуга дождался, пока Басарга напьется, забрал бурдюк, а солонину оставил.

Снаружи несколько раз оглушительно жახнули пушки,

башня вздрогнула.

Воин наклонился к окну: оказалось, что ногайцы затащили на свою стену пару тюфяков и начали палить по захваченному русскими укрепленнию. Им тотчас ответила осадная башня, пытаясь сбить со стены османских пушкарей. Однако дроб не желал попадать в цель, врезаясь в землю то ниже стены, то в стороне от тяжелых медных стволов.

Третьим залпом басурмане чуть не сразили Басаргу, попав в стену аккурат напротив него, – но дубовое бревно выдержало удар, лишь немного вспучившись с внутренней стороны цветком из белой щепы. В ответ боярский сын выпустил несколько стрел, но тоже никого не задел.

Под грохот обстрела ногайцы попытались сделать еще вылазку, пробравшись к башне вдоль самых стен, – там, куда не попадали русские пушкари. Вроде бы они даже застигли защитников врасплох, – судя по лязгу железа, внизу завязалась сеча. Однако вскоре тюфяки дважды жажнули тройным залпом, и сеча захлебнулась.

До темноты басурмане предприняли еще две попытки отбить Арскую башню, но под огнем осадной башни и стрелами подвести достаточно воинов к двери так и не смогли.

Второй день выдался для защитников уже не таким напряженным. Османские пушкари продолжали упрямо долбить укрепление ядрами, часто попадая в узости между бревнами. При этом каменные шарики пробивали стены насквозь и разили всех, кто находится внутри на пути их полета. Одно

из таких ядер чиркнуло боярского сына почти по самой спине – однако к этому времени нога Басарги разболелась так, что молодой воин уже сам начал желать себе смерти. Бедро горело, словно его варили в кипятке, и внутри постоянно взрывались пузыри, распирая мясо, буквально разрывая его в клочья. Хотя по виду нога оставалась прежней и даже не особо распухла.

К вечеру боярскому сыну стало так плохо, что он уже не мог сдерживать стонов. Поднявшийся к молодому воину Лука осмотрел рану, напоил Леонтьева отваром каких-то трав, от которых Басарга впал в сонное беспамятство, что-то порезал, что-то посыпал, поменял повязку и, уже уходя, сказал помогавшему холопу самые страшные слова, которые может услышать увечный воин:

– Антонов огонь...

К рассвету Басарга метался от жара, плохо понимал, что происходит вокруг, и, как мог, молил сидящих рядом ратников позвать к нему князя.

Воротынский внял просьбам, пришел, опустился рядом на колено, снял шлем, перекрестился:

– Сказывай, раб божий Басарга, чего желаешь? Что смогу, сделаю.

– Сабля... – пересохшими губами прошептал боярский сын. – Сабля государева... Царь Иоанн сам вручил, дабы долг я свой исполнил... Вернуть надобно, княже... Прошу...

– Да, я вижу, – кивнул Михайло Воротынский. – Богатый

меч.

– Передай... Передай государю... Не посрамил я царской сабли... Передай...

– Не беспокойся, боярский сын Леонтьев, – кивнул князь, принимая оружие. – Передам в точности. И про подвиг твой передам, и имени твоего не забуду.

Солнце тем временем медленно поднималось к небу, и, когда лучи его щедро залили теплом улицы Казани, город содрогнулся от сильнейших взрывов, прорвавших крепостные стены сразу в двух местах. Царские войска, успевшие к этому времени причаститься и собраться в полки, дружно ринулись в проломы, сметая ногайцев со своего пути. Битва завязалась на улицах и площадях, в домах и дворах. Арская башня больше никого не интересовала, и ее израненные защитники смогли спокойно покинуть свое укрепление, унося на плечах тех, кто более не мог передвигаться сам.

По приказу князя Воротынского боярского сына Басаргу Леонтьева служивые отнесли к царскому шатру, неподалеку от которого стояла палатка, натянутая монахами Кирилло-Белозерского монастыря. Святые отцы приняли мечущегося в беспомощности больного и забрали под расшитый крестами белый парусиновый полог...

Молчальники

Проснулся Басарга от острой боли. Его бедро, казалось, грызли изнутри мыши – много-много маленьких мышат, скребущих мелкими зубками края раны на всю ее глубину. И это было хорошо. Боярский сын Леонтьев залечивал уже не первую рану и знал, что, когда боль такая, скребущая, а не обжигающая или рвущая, значит, дело идет на поправку.

Вот только легче от этого осознания ему не становилось.

Воин застонал, попытался лечь удобнее, открыл глаза. Возле самого лица полоскалась белая парусина, и, если не считать далеких голосов, вокруг царил невероятная, непо-стижимая тишина: ни грохота разрывов, ни лязга железа, ни криков работающих на турах ратников.

Басарга попытался встать, но боль в ноге заставила его со стоном упасть обратно на кошму. Леонтьев скривился, при-поднялся на локте, взглянул на ногу. Пояс с оружием был снят и положен рядом, царская сабля осталась наполовину торчать из ножен. На правой ноге штанина отрезана полностью, оба сапога сняты, рана замотана белой тряпицей с утолщением над тем местом, куда вошла стрела. Видать, мха туда набили от души. А так – вся конечность до ступни выглядела светлой, даже чуть розоватой.

Это означало, что антонов огонь ушел.

На шум приблизился монах с кувшином, присел рядом,

поднес край сосуда к губам. Раненый воин ощутил знакомый запах киселя. Помогая себе и святому отцу, Басарга прихватил свободной рукой глиняное доньшко и стал жадно пить густой, вкусный и сытный напиток. Когда в живот больше уже не лезло, утер губы:

– Благодарствую, отче... Не скажешь, почему так тихо ныне?

Монах кивнул.

– Так чего там происходит? Взяли Казань-то али о замиреннии сговорились?

Монах кивнул снова.

– Ты чего, – не понял Басарга, – молчальник?¹¹

Святой отец кивнул в третий раз.

– А-а, тогда понятно... Так взяли город-то?

Четвертый кивок успокоил боярского сына. Басарга устало зевнул, спросил:

– Скажи, почто меня сюда принесли, а не в отчую палатку? У меня отец опытен, раны закрывает и заговаривает хорошо, все соседи и знакомые к нему за лечением завсегда ходят.

Монах укоризненно покачал головой и перекрестил раненого. Басарга зевнул еще сильнее, и дремота снова закрыла его глаза. Видимо, в свой сытный кисель святые отцы добавляли еще и сонное зелье.

Однако сильная боль мешала боярскому сыну окончательно провалиться в беспмятство – он то засыпал, то возвра-

¹¹ Молчальник – монах, давший обет молчания.

щался к реальности, после чего снова засыпал. В одно из таких пробуждений Басарга ощутил, что на лице его лежит какая-то ткань, услышал мерную молитву – и рана наконец-то перестала его донимать...

К новому пробуждению боль в ноге сменилась нестерпимым зудом. Это было тоже неприятно, но, по крайней мере, позволяло не просто подняться, но и уверенно ступить на конечность. Подхватив оружие и торопливо выбравшись из палатки, ратник сбегал до нужника, после чего ощутил себя почти совершенно здоровым и даже счастливым.

Над Казанью сияло яркое солнце, окончательно высушившее окрестные земли, и от ног стрельцов, с мешками идущих от города к себе в лагерь, даже поднималась легкая серая пыль. Большая часть крепостных стен уцелела, хотя местами и тлела, но теперь с них никто не пускал стрелы и не палил из пушек. На склоне вала грелось множество бедно одетых людей: светлые длинные рубахи, темные шаровары. Их были сотни, если не тысячи. Уцелев в ужасах войны и штурма, они наслаждались миром и покоем. Из самого города к небу поднимались дымы – но их было не так уж и много. Как при не очень большом деревенском пожаре.

Совсем близкий царский шатер был тих и безлюден, – видеть, государь со свитой тоже въехал в поверженную твердыню. Тихой оставалась и увенчанная черным крестом палатка.

Осенив себя знамением, Басарга отвесил распятию низкий поклон, вошел обратно под навес, высматривая свои са-

поги. Однако на полу, застеленном кошами в несколько слоев, никакой обуви не лежало. Зато у дальней стены возвышался массивный крест, под которым на красном ковре стоял большой деревянный сундук. Углы были обиты толстыми железными уголками, покрытыми позолотой, скважина на передней стенке выдавала наличие внутреннего замка, а сами стенки украшали святые образа и иконы, нанесенные эмалью, и витиеватая разноцветная роспись. Судя по всему, внутри ларца хранилось что-то очень и очень ценное.

Басарга опустился на колени, перекрестился на смотрящие с сундука иконы, благодаря Господа за счастливое исцеление, дал обет внести в монастырь, во славу Божию, крупный вклад. А когда закончил и собрался уходить, увидел двух замерших возле входного полога суровых монахов.

– И вам моя благодарность, братья, – поклонился им в пояс боярский сын. – Век Бога за вас молить буду. И еще спросить хочу: вы не знаете, куда сапоги мои подевались?

Монахи переглянулись, но ничего не ответили и с места не сошли.

– Вы чего тут, все молчальники? – догадался Басарга. – Кто же тогда молебен надо мной читал, когда я в дремоте мучился? Хотя ладно. Живот дороже сапог. Пусть у вас остаются, коли надобны. Ныне сапог бесхозных окрест Казани наверняка в избытке. Я себе другие найду.

Он прошел между монахами и, прихрамывая, отправился к лагерю Воротынского ополчения. Миновав полпути, ощу-

тил на спине пристальный взгляд, оглянулся. Один из монахов в некотором удалении следовал за ним. Боярский сын приостановился было, но тут же двинулся дальше. Спрашивать у молчальника, чего тому надобно, все равно бесполезно.

Лагерь воротынской дружины тоже был на удивление пуст. Здесь находилось не больше десятка холопов, хлопочущих возле юрт и шатров, да редкие стоны подсказывали, что за парусиновыми и войлочными стенами находится немало раненых.

Добредя до своей палатки, Басарга откинул полог и в недоумении остановился, удивившись обилию тюков, узлов и свертков, сваленных внутри и занимающих почти все место под навесами. Даже на месте очага стояли, упираясь в крышу возле опорного столба, несколько туго скрученных ковров.

– Никак ты жив, барчук? – Голос от дальней стены заставил его вздрогнуть, протиснуться дальше. Там, на кошме возле самой стены, лежал молодой холоп: на лице у него запеклась коричневая кровавая корка, а к животу был примотан большой кусок рогожи, закрывающей наложенную на рану ткань. – То-то радость батюшке! Он уже отпевать тебя собрался. Столько дней ни одной весточки... Как в сечу ушел, так и сгинул.

– Сливян? – не сразу узнал слугу боярский сын. – Ты? Что с тобою? Никак посекли?

– Есть маненько, барчук. – Приподнявшийся было холоп упал обратно на толстую войлочную подстилку.

– Сильно?

– В брюхо сулица¹² влетела, – поморщился Сливян.

– Плохо... – посерьезнел Басарга.

– Не, барчук, обошлось, – тихо пробормотал холоп. – Боярин сказывал, коли насмерть в живот ранят, то за полдня помираешь. А коли до вечера уцелел, так выкарабкаешься, обойдется. За пару недель отлежишься. Вот Коляну Рыжему и Свистуну – тем света уже не видать. Стрелами посекали, когда первым приступом надвигались. Да Дударя бревном зашибло. Вчерась рядом тут бодрый лежал, ан утром не проснулся. Преставился раб божий. Брата твоего Степана ногойцы саблей в плечо достали. Но неглубоко. Поутру подвязал руку-то да в город пошел. Государь сказывал, ему в Казани, кроме пушек да самого города, ничего не надобно. Ныне там веселье. Рабов русских, сказывают, мы освободили не считано. Они ныне все схроны да тайники хозяйские ратникам указывают, за муки свои мстят.

– Да, – согласно кивнул Басарга. – Теперича на земле русской во всех краях праздник будет, когда невольники басурманские под отчий кров возвратятся... Ты не знаешь, где сапоги мои красивые упрятаны? Походные, вишь, стянули, пока в беспамятстве лежал.

– Ныне не найдешь, барчук, – едва заметно покачал голо-

¹² Сулица – копые.

вой холоп. – Вон как все добычей завалено. Коли не побрежгуешь, мои надеть можешь. У меня нога вроде как побольше будет. Коли с двумя портянками, то сядут удобно. Мне они ныне без надобности. До ветру и босым доковыляю.

Боярский сын заколебался. Пользоваться обносками слуги ему отнюдь не улыбалось. Однако и босым в осеннюю пору много не набегаешь. Войти же в побежденный город молодому воину страсть как хотелось! Не для того он живота своего не жалел, через пролом на копья ходил, в Арской башне под ядрами сидел, чтобы теперь, когда все позади, в стороне остаться.

– Ладно, давай! – согласился Басарга и присел возле раненого, помогая тому скинуть обувь. Вскорости боярин, уже окончательно забыв про больную ногу, выскочил из палатки, готовый бежать в город. Тут-то воина и перехватил веселый княжеский холоп в лазоревом зипуне с желтыми шнурами и таких же нарядных сиреневых сапогах:

– Это ты, что ли, Басарга Леонтьев будешь, боярин?

– Я Басарга, – приосанился воин и положил ладонь на рукоять криво торчащей из чужих ножен царской сабли. – Чего надобно?

Осадить за неуважение слугу знатного воеводы боярский сын не решился, однако всем своим видом постарался выразить недовольство.

– Князь Михаил тебя кличет, боярин. В свите своей видеть желает. Айда за мной! – Холоп махнул рукой и, не огля-

дываясь, быстрым шагом направился к Казани. Басарга за ним еле поспевал. Опять начала побаливать раненая нога.

В освобожденный город они ступили через низко сидящие в земляном валу Царские врата. Людьми по сторонам, отдыхающими под холодным осенним солнцем на травяных склонах, оказались рабы – изможденные, усталые, грязные и заросшие. Боярского сына сильно удивило: как вообще они смогли выжить среди случившейся жестокой битвы? Вряд ли закрывшиеся в Казани басурмане тратили на них драгоценную провизию и воду. Но теперь невольники обрели свободу и мирно ждали того часа, когда их поведут обратно в отчие края. А может, кое-кто, сохранивший достаточно сил, уже и сам отправился домой, не дожидаясь команды или разрешения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.